

**О любви,
которой
уже нет**

Яков Манн

Яков Давидович Манн

О любви, которой уже нет

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23136377

Аннотация

Эта книга – попытка сохранить память о былом, рассказать о своих корнях, о жизни, которую вели многие люди в то время, о любви, которой уже нет. Повесть «О любви, которой уже нет» автобиографична, все описанные в ней события и люди подлинны. «Законы Икажуча» и "Заветы" раскрывают вечную еврейскую тему. "Искусство в стиле 'ню'" – рассказы, соединяющие слово с визуальным образом.

О любви,
которой
уже нет
Яков Манн

ISBN-13:

ISBN-10:

Copyright © 2016 Jacob Mann

All rights reserved.

посвящение

Моей жене Юле,
без которой бы не было
Этой книги

вер 63

содержание

О любви, которой уже нет

Ты жид или еврей? 1

Первая любовь 4

Война 8

Жаркое лето 10

Знакомство 20

На Волге	24
На Дону	28
Угарная осень	32
Дочь Светлана	36
Потоп	38
Соседи	42
Возвращение	48
Заповеди	53
Квартира	60
Наташа	66
Эвакуация	71
Могилев	77
Родина	79
Краснопольские	85
Краснопольские, 1988	87
Квартира, 1987, лето	91
Не разлучаются...	95
Законы Икажуча	97
Искусство в стиле «ню»	125
Заветы	146
Записки дилетанта	162
ВСТУПЛЕНИЕ	

Новые американцы, 1990

Эта книга – попытка сохранить память о былом, рассказать о своих корнях, о жизни, которую вели многие люди в то время, о любви, которой уже нет.

Повесть «О любви, которой уже нет» автобиографична, все описанные в ней события и люди подлинны.

«Законы Икажуча» и "Заветы" раскрывают вечную еврейскую тему.

"Искусство в стиле 'ню'" – рассказы, соединяющие слово с визуальным образом.

О любви, которой

уже нет

*Как поздно, подчас, мы умнеем,
Кляня с обидой себя
И позабыть мы не умеем,
Что быть могло да не судьба
Надсаживая сердце болью
И память в муке теребя
Той неудавшейся любовью
Неслышно мучим мы себя*
Яков Манн

Ты жид или еврей?

Мое детство прошло в городе Могилев–Подольский Винницкой области, Украина. В Могилеве жила многочисленная семья моей мамы, папины родственники жили в Черновицах, куда мы переехали, когда я перешел в последний класс школы.

В Могилеве было много евреев, хотя еврейской культуры, как таковой, не было: птицерезка на базаре была единственным местом, где евреи собирались, ожидая ритуального лишения жизни только что купленных кур и петухов. Не было еврейских школ, газет, театров, синагог.

Были люди, которые иногда говорили между собой на идише, а по–русски говорили со смешным картавым «р». И были люди, которые гордо выговаривали твердое красивое «Р» и при случае называли тех, кто картавил, «жидами»,

иногда «пархатыми».

В этих словах таится весь ужас моего детства. Я рано понял, что я еврей, но ту часть моей души, которую должна была заполнить древняя еврейская культура, заняли атеизм и коммунизм. Я хотел строить новое общество и быть его полноправным членом, мое еврейство было моей постыдной тайной и когда она выходила на поверхность, то это ощущалось, как будто меня раздели на людях.

Мне было 12 лет когда родители отправили меня в пионерский лагерь – в первый раз.

Вечером, когда все дети в большой спальне уже легли, но еще не спалось, исчерпав запас анекдотов, все стали выяснять кто я: жид или еврей. Я малодушно отрекался и от того и другого, добровольцы стали предлагать снять с меня трусы, когда я усну, чтобы точно удостовериться.

В ту ночь я не спал, утром попытался сбежать из лагеря, меня поймали, вызвали родителей, и я с трудом упросил маму забрать меня домой. Объяснить я ничего не мог, мне было стыдно. Нужно ли говорить, что это был мой последний выезд в пионерский лагерь?

Еще долго я встречал на улицах Могилева одного из тех «добровольцев», мальчика намного старше меня, который при встрече кривил рот и тихо, стараясь не быть услышанным случайными прохожими, гнусавил:

–Яша, ты жид или еврей?

Первая Любовь

Мне было 14 лет, когда я повстречал и потерял первую любовь. Ее звали Ира, она жила в нашем доме, ей было 15 лет. Мы были знакомы много лет, играли во дворе, где проводили большую часть времени.

Все поменялось в один вечер. Я делал уроки на кухне, а Ира с соседской девочкой, Броней Краснопольской, разговаривали снаружи в коридоре, примыкающем к кухне. Мне было все слышно, хоть я особенно и не прислушивался. Вдруг я уловил слова, сказанные Ирой:

– А мне Яша нравится, у него брови такие красивые.

Нужно ли говорить, что в этот момент я в нее влюбился.

Летом мы ходили в кино. Не вдвоем, конечно, а с большой группой детей из нашего двора. Мы шли рядом по тенистым улицам Могилева, направляясь в кинотеатр, тихо разговаривая и присматривая за младшими детьми. В кинозале мы сидели рядом и смотрели фильмы про американский безумный мир, про человека–амфибию и Лимонадного Джо.

Я украдкой поглядывал на ее красивое лицо, освещенное отражённым светом, ее рука, иногда касающаяся моей руки, была гладкой и прохладной, нежный аромат весенних цветов, исходящий от нее, заставлял меня забыть о фильме.

Конечно, моя мама была не в восторге от того, что ее сын влюблен в нееврейскую девочку. Она сама может и не догадалась бы об этом, но я был настолько наивен, что написал об этом в дневнике, который вскоре попал маме в руки.

Прочитав мой дневник, она понесла его в детскую комнату милиции, куда меня вскоре вызвали. Там солидный человек в штатском костюме долго читал мне лекцию о вреде ранней половой жизни, пока до него не дошло, что я понятия не имею о чем он говорит.

Осенью я лежал в больнице после операции по удалению аппендицита. Ира пришла проведать меня. Об этом мне сообщил сосед по палате, улыбаясь и подмигивая:

–К тебе дама пришла.

Я поспешил к дверям в отделение, за которыми толпились посетители. Ира скромно стояла в стороне, на ней было светло-зеленое платье, делавшее ее еще красивее.

Мы гуляли по больничной аллее, прохожие оглядывались на нас – наверное странной казалась пара: щуплый мальчишка, с трудом передвигающий ноги после операции, и расцветающая вполне зрелой красотой девушка.

Был чудесный день ранней осени, Ира держала в руке желтый осенний лист, случайное касание наших рук чувствовалось как ожог.

– А ты что здесь делаешь?

Я оглянулся, сзади подходила моя мама. И обращалась она к Ире.

– Как тебе не стыдно бегать за мальчиками, девочка должна быть скромной!

Ира взглянула на меня, в глазах ее были стыд и ужас. Она молча повернулась и пошла прочь.

– Мама, как ты можешь!

Она не слушала меня. Крепко держа меня за руку, она вела меня обратно к больничному корпусу.

– Посмотри, что я тебе принесла, мы сегодня с папой ходили на базар...

Я медленно шел по больничному коридору, в руках сумка с едой, в душе обида. Проходя мимо туалета я остановился, затем решительно открыл дверь.

Я лил в унитаз сладкий мамин компот, золотистый куриный бульон, выбросил в мусор вкусный свежий белый хлеб, испеченный в частной подпольной пекарне и заполнивший своим запахом весь больничный этаж, фрукты и куриное мясо. Душа моя была полна обидой на маму, и жалостью к ней – я знал сколько труда и денег стоили ей эти продукты, и где-то под этим было и сожаление, что теперь придется есть одну больничную манную кашу.

Много лет спустя, уже студентом института, я заезжал в Могилев и зашел к Ириной матери. На столе стояла фотография необыкновенно красивой девушки. Я спросил мать:

– Это Ира?

– Ира.

– И где она сейчас живет?

– В Севастополе.

Больше я о ней ничего не слышал.

Сегодня, 50 лет спустя, я иногда спрашиваю себя: «Может это был мой шанс на то счастье, которое дается человеку»

только один раз? »

Как жаль, что я никогда не узнаю ответа...

Война

Мои дедушки и бабушки не делали революцию, не были комиссарами гражданской войны в пыльных шинелях и остроконечных шлемах. Они молились своему Богу, растили своих многочисленных детей, зарабатывали на жизнь ремеслом с трудом сводя концы с концами.

Мой дедушка Лейбл был кузнец, прадедушка Янкл тоже был кузнец. Они подковывали копыта лошадям, чинили телеги и фаэтоны.

В 41-м году моему деду исполнилось 35 лет. Он был высокий и сильный, имел «золотые» руки и был очень честен в делах, хотя и был очень беден.

Когда началась война, дедушка и прадедушка погрузили в телеги жен, детей и скудный скарб и пошли на восток. Через неделю тяжелого пути под бомбежками их обогнали немецкие передовые войска. Пришлось повернуть обратно.

Сами того не зная, они шли по узкой тропе, на которой был шанс выжить. Сосед, который шел с ними, решил заглянуть в местечко чуть в стороне от дороги. Там его и убили. Может быть Бог вел их по этому пути.

Дедушка и прадедушка с семьями вернулись в Могилев. Они нашли свои квартиры разграбленными соседями. Там уже жили чужие люди.

По приказу новой власти дедушка и прадедушка поселились в переполненном еврейском гетто, где в маленьком квартале ютилась большая часть жителей города.

Город заняли румыны, союзники немцев. Румыны не казнили всех евреев, как немцы, они отправляли их в лагерь смерти Печора.

Мои дедушки выжили благодаря тому, что им отложили отправку в Печору. Властям и населению нужны были кузнецы. А потом о них забыли, и они выживали долгие 3 года до прихода советских войск.

Я закрываю глаза и вижу подводы, медленно тянущиеся по грунтовой дороге между воронками от бомб. Там, на тонком слое соломы, на дне одной из подвод лежит моя испуганная десятилетняя мама, там же и я, и мои дети, и мои американские внуки, такие шумные и счастливые.

ЖАРКОЕ ЛЕТО

Мое первое лето после института, я инженер вычислительного центра на большом машинно–строительном заводе в Волгограде.

Раньше я читал о знаменитых сталинградских морозах, но лето в тот год впечатлило меня больше. Жара началась еще в мае. Каждый день температура воздуха превышала 40°. Я спасался в машинном зале, где стояли наши вычислительные машины. Это было единственное место, где воздух охлаждал кондиционер.

Так бы и проскочило это лето незаметно, но в июле меня отправили в местный совхоз помочь с уборкой урожая.

Нас было 10 человек – 6 парней и 4 девушки, все с одного завода. Ехали мы в кузове грузовика, сидя на досках, перекинутых между бортами. Было весело, пели песни, кричали. Мой сосед – высокий красавец по имени Леша – шумел больше всех, нежно обнимая свою соседку. Выехав из города, мы оказались в необъятной степи. Плоская ровная земля простиралась до горизонта, она казалась выжженной горячим солнцем.

Кто-то из наших даже присвистнул:

– Чего убирать-то будем?.. все погорело...

Мы ехали два часа, теперь на земле вместо выгоревшей травы видна была чахлая сгоревшая кукуруза.

Наш грузовик остановился на круглой площади, видно было, что это центральная площадь этого селения. Выделялись 2 дома, стоявшие на противоположных сторонах – в одном оказалось правление совхоза, в другом было общежитие. На правлении висел выцветший плакат, прославляющий КПСС.

Парней поселили в общежитии. Это был дом в одну комнату, которая вся была уставлена раскладушками. Часть из них была занята рабочими с другого Волгоградского завода, тоже посланными убирать урожай. Их было человек десять, угрюмых, с побитыми лицами.

–Что случилось, мужики? Кто вас так обработал?

– Да вот, местные... – они кивали на небольшую группу ребят, с виду школьников, мирно наблюдающих за нами издалека.

– Так то ж дети, неужто не справились?

– Они только начинают, потом старшие добавляют.

В комнате трудно было разговаривать, потолок был покрыт большими черными мухами, жужжание которых напоминало рев реактивного самолета.

– Ребята, а Лешка где? – действительно в комнате его не было.

Мы пошли через площадь в правление. Для женщин освободили комнату, где прежде работали счетоводы. У них было посвободнее, только четыре раскладушки на которых лежали наши девушки и... Леша рядом с Таней.

– Заходите, ребята – девушки гостеприимно приветствовали нас. Дверь в их комнату была распахнута настежь и местные совхозники спотыкались, глядя на полуодетых женщин и на Лешу с Таней, лежащих в обнимку.

– Чего лежите? – спросил я и тут же понял всю глупость своего вопроса – в комнате сидеть было не на чем.

– Ребята, айда в магазин, отпразднуем приезд.

Сельский магазин оказался обеспеченным хлебом, водкой и отличным болгарским сухим вином.

– Такое вино только в Москве можно купить. И очереди никакой нет, – не переставали удивляться мы.

– Дак мужики не пьют такое – ухмыльнулась дебелия про-

давщица,

– Говорят что оно как квасок, токко кислый.

Мы вернулись в комнату девочек. Вино вначале пошло в ведро с холодной колодезной водой для охлаждения, затем в наши желудки для разогрева.

Все были в хорошем настроении.

Девчонки ходили по комнате в купальниках, курили, пересыпали свою речь матом. Они были простые заводские девчонки, жили в рабочем общежитии, кроме одной, высокой и худой – Оли, которая была замужем.

– Ребята, что делать будем? Видали как механизаторов побили? Боксеры – то у нас есть? Все молчали, потом Оля сказала:

– Да, есть у нас один. Яша, ты чего не признаешься?

Я чуть не захлебнулся холодным кисловатым вином:

– Ты как узнала?

– Да видела тебя в бою, помнишь бой с тем, длинным?

– Так это была ты! – теперь я узнал ее.

Боксу я начал учиться еще в детстве, мой родственник был тренер по боксу и, хотя я не был особенно драчливым или крепким, а может быть именно поэтому, заманил меня в свою секцию.

А потом, через десять лет, заскучав в Волгограде, куда я приехал по распределению, я стал ходить в боксерскую секцию неподалеку.

Я любил игровую сторону бокса – оценить противника,

использовать его слабые места, победить не грубой силой, а умом, переиграть.

Там же в секции я провел тот товарищеский бой, который видела Оля.

Противник был равен мне по весу, но на голову выше меня и очень сильный.

Я наблюдал бои других пар, разминаясь с грушей. Ребята дрались как звери, наотмашь наносили удары, не заботясь ни о какой защите. Такой бокс я не люблю.

Я перевел взгляд на своего будущего противника. Он разминался перед боем, обмениваясь ударами щеке более громадным боксером, и явно его боялся. И тут я заметил – под атакой он в какой-то момент пугался и прятался за перчатками, переставая отвечать на удары. В этот момент его можно было бить, набирая очки. Вопрос однако был: смогу ли я напугать его как тот здоровила?

Я стоял в своем углу на ринге, ожидая гонга. В зале не было зрителей, почти не было, одна девушка сидела недалеко от канатов и почему-то в упор смотрела на меня, это и была, как я узнал потом, Оля.

И внезапно я почувствовал прилив энергии. Раздался гонг, я бодро шагнул в центр ринга, поднял руки, закружил вокруг противника. Я не мог его достать, его руки были намного длиннее моих, я ждал удара.

Он не торопясь двигался, нанося отвлекающие удары слабой левой рукой, затем, когда я подошел ближе и немного

раскрылся, заманивая, нанес сильный удар правой.

Этого я и ждал. Я нырнул под его руку, сделал шаг вперед и стал наносить мощные удары, не заботясь о точности попаданий. И тут он сделал это: закрылся обеими перчатками и перестал отвечать. Я знал, что он очень быстро оправится, и после нескольких точных ударов я отступил, чувствуя движение воздуха от могучих ударов в том месте, где я только что был. Я был очень рад избежать этих ударов, у меня не очень крепкая голова, это мое слабое место как боксера.

Вот так и прошел весь бой, я ловил момент, пугал, бил и уходил. Он видел мою тактику, но ничего не мог поделать – он боялся. И когда я мог, я глядел на Олю и она меня вдохновляла улыбкой, наверное смешно было, что маленький бьёт большого.

И вот теперь здесь она меня узнала. Я, конечно, не собирался драться со сворой местных школьников, но вино и Оля подействовали на меня и я бодро сказал:

– Если что – только кликни...

Следующий день начинался тяжело, голова болела, вчерашнее вспоминалось смутно. Помнил соблазнительную Олину грудь в купальнике, и помнил как после нескольких поцелуев она внезапно вспомнила, что она замужем, и что не собирается портить себе жизнь со своими заводскими, которые никаких секретов держать не могут.

После этого она ушла с каким-то местным парнем, который зашел к нам выпить. Уж он-то не проболтается. За ней

ушли и другие наши девчонки.

Мы сидели на току, ожидая бригадира. Жадно пили холодную воду, ребята ехидно спрашивали девчонок как они провели вчера время. Те угрюмо отругивались матом.

Недалеко от нас сидела кучка местных девочек, на вид лет двенадцати. У них были накрашенные губы, подведенные глаза, что на току выглядело нелепо.

– Эти–то что здесь делают? – тихо спросил я своих. Мне ответили недоуменные взгляды.

– Как что, солдат ждут, которые зерно возят.

– А зачем?

– Шпокаться, зачем еще.

– Так им лет двенадцать!

– Самое время женихов искать.

Вскоре меня посадили в прицеп кукурузного комбайна, мое новое рабочее место. Выбрали на эту работу почему–то меня, остальные остались на току подгрести зерно.

Работа была блатная. Комбайн шел по полю, срезая чахлые кукурузные ростки. Они сыпались в мой прицеп, часто прямо на меня, обдавая облаком пыли. Когда образовывалась куча, я вилами рассыпал ее по дну прицепа.

Так оно и шло – силос сыпался, я его разбрасывал и утапывал, поднимаясь все выше и выше, пока не заполнялся весь прицеп.

Самое трудное было, когда прицеп был почти полон, я едва успевал разбрасывать силос, готовый просыпаться на зем-

лю, приходилось ускорять темп, комбайнер беспощадно продолжал гнать комбайн, пока прицеп не был полон и силос возвышался высоко над бортами.

К тому моменту я уже выбивался из сил, комбайнер цеплял следующий прицеп и я восстанавливал силы пока он только начинал наполняться и мои вилы могли отдохнуть.

Это была моя ежедневная работа в течение того месяца, что я провел в совхозе. Рабочей одеждой были плавки, шортов тогда не знали, в брюках же не будешь работать в сорокаградусную жару. Ее-то я вскоре перестал замечать, волосы выгорели на солнце, кожа почернела от загара.

Единственное, что мешало – небольшая ранка на пятке, на что-то наступил, ранка кровоточила и перестала, но боль продолжала, так и ходил хромым.

Пришел очередной выходной. Мы, как всегда, набрали болгарского вина и пошли в комнату к девочкам. Я взял ведро и пошел к колодцу за холодной водой охладить вино.

Возвращаясь, я заметил нескольких местных ребят, сидящих на заборе возле правления. Когда я подошел ближе, они соскочили с забора и окружили меня полукругом.

–Этот что-ли боксер? – услышал я, – шас пощупаем...

– Ребята, выходите, – только успел я сказать, уронил ведро и стал пятиться, стараясь не выпускать из виду тех, кто пытался зайти сзади. Они шли молча, всерьез, их было много, небольших, но крепких, закаленных в драках. Я сделал несколько отпугивающих ударов слабой правой, стараясь не

дать им подойти близко.

– Гляди, пугает... – Услышал я издали. Чья–то голова появилась совсем близко и я ударил сильной левой. Голова исчезла.

Я продолжал отступать. И вдруг время, замедлившее для меня свой ход почти до полной остановки, вдруг пошло опять с нормальной скоростью. Я остановился, пытаюсь понять что произошло. Первое, что я осознал был мат – крепкий, черный, почему–то извергаемый женскими голосами.

Потом я увидел наших девок, этих поблядушек, которые догнали нас и своим криком остановили уже почти начавшееся избиение. И громче всех кричала Оля, махая кулаками перед их лицами. Нападавшие ошеломленно стояли, кто–то обиженно оправдывался:

– А ему бля можно? Во Петьку как шибанул, тот и встать не может...

Кто–то из ребят взял меня за плечи и увел в общежитие. Пошатываясь я зашел в комнату и ступив босой ногой на пол, почувствовал сильную боль в пятке. Я глянул и увидел кусочек зеленого бутылочного стекла в ранке на пятке. Я потрянул ногой и он упал на пол, дернулся и замер, как будто умер.

Остаток того дня я пробыл в общежитие, которое было окружено гневными мстителями. Мои соседи, заходя с улицы, говорили мне:

– Сиди не высовуйся, шибко лютуют, говорят ты ихнего Петьку повредил.

Вечером они исчезли и утром я спокойно уехал к своему комбайну.

Во время обеда, который мы ели в тени комбайна, комбайнер, молчаливый мужчина средних лет, вдруг спросил:

– Ты парень не еврей будешь?

Я насторожился.

– Да, буду.

– Интересный вы народ. Вот возьми тебя – думал ты на второй день в контору убежишь, с под солнца – то да с под пыли, и вилами надо махать, а ты весь срок продержался. И свора целая на тебя напала, а ты и здесь уцелел. Может и правда за вами бог смотрит?

– Может... – Я помолчал, потом спросил о том, что тогда интересовало меня намного больше:

– Что, скоро конец работе?

– Да, совхоз вам выдал зарплаты больше чем вы работали, сгорело все.

Вскоре, закончив все запасы болгарского сухого вина и собрав жалкий урожай, мы вернулись в Волгоград.

ЗНАКОМСТВО

Зима в Волгограде – это ветер, пронизывающий все тело ледяным холодом, вздымающий сухой снег, тонким слоем покрывающий землю и швыряющий его прямо в лицо. И не вздумай отвернуться от него, в отместку он начнет швырять снег со всех сторон, куда бы ты ни повернулся.

Мы забились в нижний отсек речного трамвайчика, стараясь отогреть онемевшие руки. Мы, это секция водного туризма завода им. Петрова в Волгограде, четверо парней и четверо девчонок. Казалось бы – какой водный туризм в разгар волгоградской зимы? – но мы знали, что делаем – у нас за Волгой была зимняя база. Сам я эту базу еще не видел, это был наш первый зимний выезд. Сойдя с трамвайчика мы одели лыжи и пошли по мягкому неглубокому снегу.

Через полчаса мы остановились. База оказалась одноэтажным деревянным домиком, таким же, как все домики вокруг нас. Кто-то из ребят имел с собой ключ и дверь нехотя открылась. Домик был промерзший насквозь, в его двух комнатах, разделённых большой печкой, была такая же температура как на улице. Это и была наша база.

Мы срочно распределили обязанности, на улице мороз – 35° с ветром, вокруг людей нет – все домики пустые, очень легко обморозиться или совсем замерзнуть и помощи ждать не откуда.

Двое из нас пошли за дровами, заготовленными неподалеку, двое стали готовить печь к растопке. Остальные играли в футбол на снегу – что-то ведь надо делать, чтобы не замерзнуть.

Через два часа мы все собрались в домике. Вовсю топились печка. Стены и потолок, оттаивая, покрылись большими каплями воды, как в парной, да и температура поднялась значительно.

– Щас бы по грамулечке, – начал было один из парней, но на него дружно зашикали, спиртное на базе не употребляли.

Одна из девочек, симпатичная Зиночка, наливала в тарелки что-то горячее.

– Подходи налетай на супчик!

Суп был сварен из пакетов, тощий советский суп. Но туда была нарезана картошка и – О Чудо! – немного варенной колбасы. Суп пользовался успехом, за ним последовала варенная картошка. Трапеза удалась.

От еды всех разморило. Девочки забрались в кровати в своей комнате, сонно переговариваясь. Я возмутился:

– Вы что, девчата, нас замерзнуть оставите?

Не дожидаясь ответа я поднял одеяло и нырнул в теплое пространство рядом с Зиночкой.

Она не возражала, слегка подвинулась. Сквозь многие слои одежды, надетые на нас, я ощутил дурманящее тепло.

Остальные мальчики последовали моему примеру и вскоре затихли. Но долго греться не пришлось – в дверь постучали и в домик вошли гости.

– Вставай, еще не вечер, пошли костер разводить!

Это были туристы из Волгоградского политеха. У них была намного большая группа и они останавливались в соседнем домике.

От костра несло жаром несмотря на холод вокруг. Мы расположились на пнях и бревнах, протягивая руки к костру и слушая барда из политеха, поющего под гитару одну за дру-

гой песни, которые мы еще не слышали.

Недалеко от барда сидела девушка, молодая, худенькая, с длинными каштановыми волосами, симпатичное лицо было приветливое и улыбчивое.

Она мне кого-то напоминала. Я не сразу сообразил кого, а когда сообразил, чуть было не воскликнул вслух:

– Ира! Она похожа на Иру!

Когда моя мать разбила мою первую любовь, она разбила мое сердце, и за последние десять лет оно не знало любви и не отвечало ни на чью любовь. Но сейчас оно затрепыхалось.

После костра мы устроили шашечный турнир, играли в поддавки.

Я вышел в финал, где также играл бард – всеобщий любимец. В разгаре игры, ожидая ход противника, я увидел, что та девушка – я уже узнал, что ее зовут Наташа – сидит неподалеку и болеет, кажется, за меня. Окрыленный я посмотрел на доску и увидел многоходовую выигрышную комбинацию. Противник все тянул со следующим ходим и я спросил:

– Ну ты как, скоро?

Он посмотрел на меня:

–Твой же ход!

–Мой?

Под взглядом Наташиных глаз я потерял очередность ходов. Я глянул на доску и как-то автоматически пересчитал комбинацию для своего хода и сдвинул шашку. Через мину-ту разгром был завершен. Я глянул на Наташу – она улыба-

лась.

НА ВОЛГЕ

Наша группа начинала весенний сезон двух–дневным выездом за Волгу. Волгоград весь выстроен на одном берегу, там он растянулся на 100 км, от тракторного завода до Волго–Донского канала.

Волжская вода у этого берега полна отходов – жидких и не только, – пить ее а также купаться в ней нельзя. На противоположном берегу Волги – зона отдыха, пляжи, редкие деревни.

Летом в центре города через Волгу ходят речные трамвайчики, перевозящие горожан через реку на пляжи и обратно.

Наша база была южнее центра, но нам трамвайчики были ни к чему, у нас были свои средства переправы – байдарки. Это были лодки с алюминиевыми каркасами, обтянутые прорезиненной тканью. Они были легкие, вместительные, но непрочные, ткань легко протыкалась любым острым предметом, а если в воде проплывало затопленное бревно с сучками, оно легко могло распороть байдарку во всю длину.

Наташа и я легко отнесли свою байдарку к воде. Мы встречались уже несколько месяцев, теперь она пришла в мою секцию принять участие в выезде.

Волга была беспокойная, ветер и волны делали ее похожей на море, только другой берег был виден, в отличие от моря, но он казался дальше чем обычно.

Впрочем, так оно и было – был весенний паводок и Волга, поднявшись, затопила большие площади на противоположном берегу, залила многие острова.

Байдарка закачалась на волнах, я придержал ее, зайдя по колени в холодную воду.

– Наташа, неси рюкзаки! – Я принял рюкзаки и уложил их под сиденья. – Влезай!

Я подвел лодку поближе к берегу, чтоб она не набрала воду в свои резиновые сапоги.

Наташа осторожно ступила в лодку, прошла вперед, села и подняла со дна весло. Следом влез и я, оттолкнув лодку последним толчком как можно дальше от берега.

– Давай, гребь! – пока я занимал свое место Наташа гребла, стараясь увести лодку от берега, подальше от острой гальки, которая так легко может повредить нашу лодку.

– Раз, два! Раз, два! – задавал я ритм гребли, в то же время стараясь попасть в ритм с Наташей. В байдарке гребцы сидят лицом по направлению движения, старший сидит сзади и руководит передним, если только они не гребут по очереди.

Мы в хорошем темпе отошли от берега. Остальные байдарки нашей группы уже ждали нас недалеко от берега.

– Ну что, все здесь?.. поехали?

– Мужики, старайтесь держаться близко, река уж больно беспокойная!

Держаться вместе не удалось, ветер и волны разбросали нас, в случае чего мы могли рассчитывать только на себя. Я

старался держать лодку носом к волне и при этом не давать течению снести нас на юг. Наташа самозабвенно гребла, стараясь поддерживать заданный мною ритм.

Когда мы вышли на середину реки весло дернулось у меня в руках. Я посмотрел на него, одна из лопастей исчезла.

– Наташа, весло сломалось! – я кричал, перекрикивая ветер и шум волн. Она кивнула:

– Нечего, я выгребу!

Так мы продолжили переправу – я греб одной лопастью то справа, то слева, стараясь держать курс на базу, Наташа гребла, не останавливаясь, иногда оборачиваясь ко мне, в ее глазах не было страха – был только немой вопрос: «Как ты там?»

Несмотря на все мои усилия, нас все–таки снесло течением и, подойдя к противоположному берегу, мы повернули на север в сторону базы.

Вскоре мы оказались в зоне, где разлившаяся Волга затопила берег.

Наша лодка двигалась среди берез, стоящих по колена в воде, в которой, как в зеркале, отражались белые облака.

Белые березы, казалось, росли прямо из облаков.

Здесь волн не было и лодка легко скользила по спокойной воде, маневрируя между облаками и березами.

– Здорово! – сказала Наташа. Она не выглядела усталой. «Молодец,» подумал я.

Наташа была студенткой политеха, четвертый курс, жила

в общежитие, имела отца и мать, которые жили врозь, и трех братьев. Она жила на стипендию – 35 рублей в месяц, которых хватало только на полуголодное существование, она подрабатывала в общежитии, где она жила, мыла коридоры, но те деньги она отдавала отцу.

– Почему ты ему деньги даешь? – удивлялся я, – Ты его так любишь?

– Да, люблю, – отвечала она.

Как-то она проговорила, что иногда по ночам она убежала от него и пряталась у соседей.

– Он что – пьяный был? –

– Вроде того, – тут она замолкала и я понимал, что лучше на этом остановиться.

Было почти темно когда мы добрались до базы.

НА ДОНУ

В июле мы решили выехать на выходные, отдохнуть. Я жил в заводском общежитие квартирному типа, в нашей квартире было четыре комнаты, в каждой жило по 2 человека. Мне повезло – попались хорошие ребята, у нас была дружная компания.

Мы решили поехать на Дон ловить рыбу, на Волге из-за ГЭС, перегородившей всю реку, рыбы было мало.

Добирались мы на автобусе, наполненном дачной публикой. Иметь дачу на Дону было престижно и дорого. Когда мы вышли из автобуса, я поразился – посреди сухой степи был

рай на земле.

Небольшие домики было окружены цветущими садами и огородами. Плодовые деревья протягивали над заборами пышные ветки с которых свисали вишни, черешни, груши и яблоки. Ярко–желтые подсолнухи дерзко переглядывались с ярко–желтым солнцем. На огородах краснели помидоры, выглядывали из–под листвы огурцы. Кусты малины и смородины были покрыты яркими ягодами.

Я крепко держал Наташу за руку, Илюша шел рядом с нами со своей Олей, сзади шли Валера, Толик, Вовка.

– Иллюш, как они ухитряются выращивать все это в степи? – спросил я.

– Берут воду с Дона, в нем летом совсем мало воды остается.

Вскоре мы вышли на берег Дона. По пути мы встречали много людей, несущих воду в ведрах, некоторые на коромыслах. Некоторые дачи – ближние к воде – качали воду насосом, забросив шланг в воду.

Знаменитый Дон оказался нешироким, намного меньше Днестра, на котором я вырос. Берега были покрыты галькой, кое–где глинистые.

Мы выбрали место для лагеря, поставили палатки. Рыбаки забросили удочки неподалеку.

Мы с Наташей пошли купаться. Мы вошли в воду по грудь, я нежно привлек ее, она доверчиво прильнула всем телом.

– Эй вы там, всю рыбу распугаете! – крикнул кто-то из рыбаков.

Мы медленно поплыли по течению. Когда мы вернулись, рыба уже плескалась в ведре с водой и чугунок с водой висел над костром. Валера был мастер варить уху. Он разварил мелкую рыбу три раза, тщательно очистил бульон от костей и затем положил в котелок крупную рыбу, картошку, заправил лавровыми листьями и перцем. Когда мы покончили с ухой на небе уже появились звезды. Ребята, поделив бутылку вина, лениво переговаривались.

Илья ушел в палатку со своей Олей. Пошли и мы с Наташей в свою палатку. В палатке было темно и тихо, звуки снаружи почти не долетали.

Мы укрылись спальными мешками, обнялись, она поцеловала меня и нежно шепнула: «Спи.» Мы тихо лежали и я почувствовал, что сон это не совсем то, что было у меня на уме. Я попробовал двинуть рукой, но Наташа прижалась, не давая руке двинуться. И так продолжалось всю ночь, она упорно сопротивлялась, иногда целовала меня и говорила: «Спи». Когда стало рассветать мне показалось, что я заметил следы слез на ее лице. Под утро я обиделся, отвернулся, но заснуть так и не смог.

Следующим утром ребята, видя наши бессонные лица, потихоньку посмеивались, но видя что мы почти не общаемся, вскоре затихли.

Несколько дней после этой поездки я не видел Наташу,

обида мало–помалу проходила и я уже собирался ей позвонить, когда вдруг я получил письмо от нее, от Наташи. У меня внутри что–то дрогнуло, это что – конец?.. она меня бросает? Медленно я распечатал конверт, развернул письмо:

«Здравствуй Яша!

Что бы ты ни подумал обо мне, на самом деле все хуже, так что хуже не бывает. Я не могу продолжать наши отношения, не открыв тебе свою тайну, а когда я открою, ты, возможно, не захочешь продолжать их, но я расскажу тебе все равно.

Когда мне было четырнадцать лет, мать ушла от нас, оставив меня и младших братьев с отцом. Вскоре он сделал меня женщиной.

Я люблю своего отца, он меня вырастил, я обязана ему всем хорошим что было в моей жизни, и я его ненавижу.

Если я больше не увижу тебя – тогда прощай!

Я люблю тебя, Наташа.»

Сейчас 40 лет спустя я перечитываю это письмо и слезы появляются у меня на глазах.

Эх Наташа, кто бы мог подумать, что хуже бывает, намного хуже...

УГАРНАЯ ОСЕНЬ

Мы с Наташей расписались осенью 76–го года. Была небольшая свадьба устроенная по большей части моей тещей, Марией Федоровной. На следующий день мы полетели в Черновцы.

Я познакомил Наташу со своей семьей – родителями, двумя братьями, дядями и тетями. Все были вежливы и любезны, никто плохого слова не сказал, но мне дали понять, что на помощь я не могу рассчитывать.

Мы были удивлены – какая помощь? Я работал, получал 125 рублей в месяц, Наташа училась на последнем курсе института, получала стипендию, нам хватало.

Мы вернулись в Волгоград, сняли летнюю кухню и стали привыкать к семейной жизни. Причем привыкать не просто к семейной жизни, но к семейной жизни в смешанном браке. Различие культур иногда проявляло себя самым неожиданным образом и требовало терпимости от нас обоих.

Я много размышлял об этой проблеме, которая преследовала еврейский народ тысячелетиями.

По–моему мнению причина того, что еврейских парней тянет к не–еврейкам, таится в генах – практикуя браки в своей среде, евреи сузили свой генофонд. Для меня это выразилось в том, что все еврейские девочки казались мне похожими или на мою маму, или на других женщин нашей семьи, а кому хочется иметь жену похожую на маму или на тетю?

Через год мы переселились в другую квартиру – сняли подвал в частном доме.

Наташа закончила институт и воспользовалась правом замужней женщины отказаться от распределения на работу, вскоре она устроилась на работу в Волгограде.

Наташа была беременна и вот уже несколько дней как она

ушла в оплачиваемый отпуск, который полагался за два месяца до родов.

Зима еще не наступила, но ночью уже были заморозки. Я посмотрел на будильник и вскочил – было шесть часов утра. Настольная лампа загорелась мягким, рассеянным светом, Наташа спала с головой укрывшись одеялом, но одна пятка высывалась из под одеяла. Мне стало смешно – она всегда выглядывала.

В этот момент я почувствовал головную боль. Странно, вчера вроде и не пил. Но рассуждать было некогда, в подвале было холодно, печь за ночь остыла.

Я вычистил печку от золы, заложил дрова, щепки, открыл заслонку, поджег.

Печь здесь были такая–же, как в Могилеве, но там печь не имела заслонки – железной пластины, которой можно было перекрыть доступ воздуха в печь.

На ночь, когда все в печи уже сгорело, я задвигал заслонку, чтобы печка остывала медленнее.

Иногда я забывал открывать ее утром и вспоминал, видя что тяги нет и дым идет в комнату.

Пока печка топилась, я поставил чайник на электрическую плитку. Побрился и умылся в том углу подвала, что был отведен под кухню.

Наташа не просыпалась, в подвале стало тепло. В 7 утра я вышел из дому – в 9 часов надо было быть на работе.

Вернулся я в 8 вечера, Наташа все еще лежала в постели.

– Ты что – заболела? – я был по–настоящему напуган. Наташа слабо улыбнулась:

– Ничего, все в порядке, только голова болит. Она помолчала и стеснительно добавила:

– Ты знаешь, кровь мажется... там...

Я вызвал скорую помощь из ближайшего телефона–автомата. Я начинал догадываться почему у меня весь день болела голова – видно я закрыл заслонку в печи слишком рано, не все угли сгорели до конца, угарный газ попал в комнату и мы оба угорели. Я угорел меньше, так как ушел на работу, Наташе досталось больше.

Наташу поспешно увезли внутрь больницы, меня же в больницу не пустили. Усталый я вышел на улицу.

Ветер гонял желтые и красные осенние листья по мостовой. Небо было ясное и мириады звезд холодно смотрели на землю.

Я чувствовал себя таким беспомощным и одиноким, те кого я любил – моя жена, мой ребенок – боролись за жизнь и я ничем не мог им помочь.

Дочь светлана

Врачи спасли нашу дочь, Наташа вскоре вернулась в наш подвал с еще большим животом донашивать оставшиеся полтора месяца. Она была полна энергии и вся светилась изнутри лучами материнства.

До Нового 78-го года оставалось 2 дня. Я лежал на кро-

вати готовый уснуть, была почти полночь. Наташа все еще возилась по хозяйству, внезапно сквозь сон я услышал как она охнула, затем медленно подошла ко мне.

Она ласково провела руками по моему телу. Я протянул руку, обнял ее все еще сонный, но уже готовый ответить на ее ласку. Наташа прижалась еще сильнее и сказала:

– Яша, воды отошли, начинается.

Сон мигом слетел с меня. Я быстро оделся.

– Держись, я пошел вызывать скорую.

Я вышел на улицу, вокруг все было покрыто снегом, как и положенно под Новый Год. Стояла мертвая тишина, даже собаки забились в свои конуры и не лаяли. До ближайшего телефона-автомата было минут 20 ходьбы. Тяжело дыша я вызвал скорую и пошел обратно.

Все силы покинули меня, я еле переставлял ноги. Пока я доплелся до нашего подвала издали появились огни фар. Весь оцепенев я ждал. Человек в белом вышел из машины:

– Здесь рожают?

Мы зашли в подвал. Пожилой фельдшер был сердит:

– Ты что – рукой не мог махнуть?, все снегом покрыто, адресов не видно.

Я все еще был в оцепенении. Фельдшер посмотрел на Наташино оживленное лицо, одобрение появилось на его лице:

– Вот ты молодец, собирайся девонька, поехали.

Меня, конечно, в роддом не взяли. Утром я нехотя поплелся на работу. Только вечером мне удалось дозвониться

в родильный дом и узнать, что у меня родилась дочь.

ПОТОП

Доктор прикладывал свой аппарат к разным местам моей спины, долго вслушивался, Светочка – дочка – что-то бормотала в своей кроватке, возможно мешая ему, но он ничего не сказал, приложил стетоскоп опять, послушал и сказал:

– Воспаление легких, справа. – Мне было так плохо, что я с трудом понимал, что он говорит.

– И что теперь делать?

– В больницу надо, срочно.

– Я не могу, как я их оставлю...

– Вы не можете здесь оставаться, это может плохо для вас закончиться, здесь сыро и душно, вам нужны уколы, которые можно делать только в больнице.

– А таблетками можно обойтись?

– Можно попробовать, но они могут не помочь вам.

Я подумал и решился:

– Выпишите таблетки, пожалуйста.

Я услышал вздох, это была Наташа, но она не вмешивалась. Когда доктор ушел, она подошла ко мне:

– Напрасно ты не пошел в больницу, но ничего, я тебя вылечу. Давай, снимай с себя все.

– Что ты хочешь делать?

– Я оботру тебя водкой, чтобы сбить температуру, потом поставлю банки.

– Но твоя мама же здесь...

– Мама, – Наташа повернулась к моей теще, – пойди в аптеку, пожалуйста, закажи таблетки.

– Так там дождь второй день идет.

– Возьми зонтик, таблетки нужны сейчас.

Чувствуя теплые, крепкие Наташины руки, я постепенно приходил в себя, мне становилось лучше. Когда она растерла черные следы от банок, я изнеможенно откинулся на подушку.

Наташа села на край кровати покормить дочку грудью. По подвалу разлился нежный запах грудного молока, перекрывший на время запах сырости.

Дверь открылась, впустив влажный воздух и шум дождя, это вернулась моя теща. Она жила неподалеку от нас, у нее была комнатуха в старом бараке.

Я там бывал, длинный коридор со множеством дверей, за каждой дверью комната в которой живет целая семья, в коридоре у каждой двери стоит примус – это кухни, туалет на улице, один на всех.

Теща честно старалась помочь нам как могла, ведь каждый день надо было вручную стирать пеленки, сушить, принести воды, унести помои, ребенка нянчить, готовить – работы хватало, Наташа была слабая после родов, а я уходил на работу утром, приходил вечером.

Мы были ей очень благодарны за помощь, но была одна проблема – время от времени теще надо было поругаться, та-

кой у нее был характер, она не могла иначе, и ссорясь она говорила самые гнусные мерзости, стараясь задеть свою жертву за живое. Мишенью своей – по многолетней привычке – она избирала Наташу, причем поводом могло быть что угодно.

Вот и теперь, вернувшись из аптеки, она набросилась на Наташу:

– Конечно здесь сыро, говорила тебе вчера – стирай на улице!

– Мама, вчера же дождь шел!

– Да он может еще три дня идти, что же, так и разводить сырость!

Снаружи послышался очередной раскат грома, затем у меня на глазах часть стены отвалилась и на пол потекла вода. Тяжелый дух мокрой земли наполнил подвал, перекрывая все прежние запахи. Наташа, схватив Светочку, взобралась на кровать, вода все натекала и пол вскоре был весь покрыт водой. Наш подвал напоминал полузатопленный корабль, готовый идти ко дну.

– Мама, – крикнула Наташа, – возьми ее. Шлепая по воде, подошла теща, взяла ребенка, села на край кровати.

Наташа подошла к шкафу и стала переодеваться.

– Наташ, ты куда? – спросила теща виновато, как всегда после ссоры.

– Я возьму Свету, пойду в партийный комитет, я им расскажу как люди живут...

Она говорила как в горячке, что-то искала в шкафу и похоже не помнила что.

– Наташа, иди сюда, – я протянул к ней руку. Я уже был далеко не тот комсомолец – активист, что когда-то, это все осталось в институте, я уже понимал в каком обществе мы живем. Я взял ее худую горячую ладонь:

– Успокойся, родная, никому до нас дела нет, никуда не ходи, пожалуйста. Завтра выйдет солнце, подсушит, залепим стену...

Я обнимал и утешал плачущую Наташу, рядом на той же кровати сидела пригорюнившаяся теща, укачивая ребенка.

Вода медленно прибывала...

СОСЕДИ

Зима еще не пришла, а листья уже осыпались, они лежали толстым ковром на асфальте, перекатывались по траве, мокли в лужах. Держа в руках большую дворницкую метлу я упорно старался собрать проклятые листья в кучу, но промозглый ветер разгонял их опять.

Наконец я плюнул и пошел домой. Все равно листья еще не высохли достаточно после недавних дождей, чтобы их жечь, хотя другие дворники все-же ухитрились их зажечь. Над заводским поселком, где я теперь жил, стоял белесый дымок от тлеющих листьев и веяло едким запахом горелого.

Иногда я подменял тещу, которая привезла нас сюда, устроившись дворником в заводской поселок. Дворнику по-

лагалась комната, в которой она и поселилась, а также мы, а также Наташин брат Саша, долговязый подросток, добрый как телёнок, который прежде жил с отцом.

Комната была хорошего размера, но когда все ложились – Света в кровати, мы на раскладном диване, теща на раскладушке и Саша на полу – пройти по комнате было невозможно.

Но все это искупалось крепкими стенами, прочной крышей, вечно-теплыми батареями, водой в кране и ванной.

В квартире мы были не одни, была еще одна комната где жили соседи: тучная, с виду интеллигентная старуха и ее сын, верзила лет 40, похоже алкоголик. С ними мы должны были делить кухню и ванну.

Я занес метлу в дворницкую будку и направился в ясли за дочкой. Сегодня был ее первый день. Наша умненькая опрятная девочка научилась проситься на горшок в 10 месяцев, и я с гордостью сообщил об этом воспитательнице, немало удивившись ее безразличию.

Света ждала меня, стоя в кровати в сухих колготках. Но когда мы уходили, мне вручили ее вещи в которых лежали 2 пары мокрых насквозь колготок. Я нисколько не удивился, когда на следующий же день она заболела.

Дома нас ждала Наташа с обедом. Саша подошел ко мне и отвел меня в сторону, хотя уединиться в нашей квартире было нелегко – что днем, то ночью.

– Я знаю где твой приемник, – тихо сказал он.

– И где же?

– Сосед украл, один мой знакомый видел как он нес его на барахолку.

– Да, жаль, другой теперь не скоро куплю.

– Что же мы делать будем? – Саша не мог простить себе, что он забыл приемник на кухне.

– Ничего, постарайся больше не оставлять вещи на кухне. Пошли обедать.

Мы заканчивали свой обед, когда из соседской комнаты донесся рык соседа:

– Иди спать, иди спать!

Я слышал это раньше и пропускал мимо ушей, но тут заинтересовался и спросил:

– Чего он ее загоняет спать, рано же еще?

Наташа показала мне глазами на Сашу, мол не при ребёнке, теща пробормотала какие-то ругательства. Саша посмотрел на меня снисходительно:

– Шпокать хочет, урод.

После обеда мы с Наташей пошли принимать ванну, единственное место, где мы могли уединиться. Я включил горячую воду и стал раздеваться с удовольствием глядя на Наташу. Она уже оправилась от родов, ее смуглая фигурка опять стала стройной, живот – плоским, небольшая грудь вернула красивую форму, несмотря на ежедневную кормежку молоком и сцеживание. Наташа смущенно отвернулась, она все еще стеснялась меня после двух лет брака.

Я уже хотел залезть в ванну, когда заметил в окошке под потолком чью-то голову. Я присмотрелся – сосед! Пока я натянул трусы и забежал в туалет, который примыкал к ванне, там уже никого не было, только распахнутая дверь указывала на что здесь кто-то был.

Я глянул на унитаз, для меня низко, но сосед с его 1м 90 см роста вполне мог все видеть, стоя на унитазе.

– Наташа, – крикнул я через дверь, – закрой дверь и мойся, я тут покараулю, завтра краску куплю, закрасшу это клятое окно.

На следующий день Саша отозвал меня в сторонку. Я уже знал, что это плохие вести.

– Ну давай, выкладывай, – со вздохом сказал я.

– Сегодня сосед Наташку за грудь лапал в коридоре.

– Она мне ничего не сказала...

– Бойтся за тебя, он вон какой здоровый.

– Ну лады. Где они сейчас?

– У себя в комнате.

– Саша, когда она пойдет на кухню не пускай ее обратно пока я тебя не позову. Делай что хочешь, но ее не пускай.

– Ладно, постараюсь.

Ждать пришлось недолго, вскоре соседка величественно протопала на кухню. Я беззвучно открыл дверь нашей комнаты и тихо вышел в коридор. Затем, кивнув Сашке, скользнул в комнату соседей. Сосед лежал на диване, огромный и, по-моему, выпивший. В комнате стоял тяжелый дух невы-

того тела смешанный с запахом водочного перегара.

– А–а, сосед пришел... – Он поднялся на ноги и стоял ухмыляясь. – А твоя жена ничего...

Тут я его ударил в незащищенный подбородок слева сбоку своей сильной левой рукой в которую я вложил весь вес своего тела и всю свою ненависть. Он упал, не издав ни звука. Я посмотрел на простертое на полу тело. Он не двигался, только между ногами на серой пижаме появилось темное пятно, которое быстро увеличивалось. Резко запахло мочой.

Я выскользнул в коридор, отозвал Сашу.

Через 10 минут соседка вернулась в свою комнату и мы долго слышали ее крики, угрозы, плач.

На следующий день наш сосед исчез, сбежал из квартиры и из нашей жизни.

Но долго нам там жить не пришлось, теща не выдержала и с кем–то поругалась на работе. Видно она поругалась с важным человеком, так что с работы ей вскоре пришлось уйти. И нам надо было искать новое жилье.

Идея была Наташина: «Я поеду в Москву, в свое министерство, сдам свой свободный диплом и возьму распределение туда, где дадут жилье, хотя бы семейное общежитие.»

Мы собрали последние деньги и Наташа уехала. Через пару дней она позвонила:

– Все в порядке, было несколько мест, я выбрала Черновицы, резино–обувный завод.

Я обомлел:

– Почему Черновицы?

– Я там была, красивый город, там твоя семья, они хорошо ко мне относятся, почему бы нет?

Так моя жена Наташа вернула меня в родные места, к моей семье.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Я снова в Черновцах, откуда так рвался уехать дважды.

Первый раз в 69–м году, по окончании школы. Зная, что у меня нет шансов поступить в институт в Черновицах, я хотел поступать в России и просил отца дать мне сто рублей на билет до Тулы и на еду. Отец не верил, что я поступлю и предлагал мне поступать в местный техникум из которого меня через год призывали бы в армию. С большим трудом, с маминой помощью удалось мне вырвать эти деньги. Я поехал в Тулу, легко поступил и прожил там 5 счастливых студенческих лет.

Второй раз я уехал из Черновиц в 74–м году – после окончания института. У меня был свободный диплом, так как в Нальчике, куда я получил распределение, мне не дали жилья. Полгода я не мог устроиться на работу, обходил множество предприятий. Именно тогда я встретился с директором резино–обувного завода по фамилии Буримов. Он персонально выбирал новых инженеров. Прием проходил в большой комнате, где работало много народу. Я вручил ему свой новенький диплом и паспорт. Он выбрал паспорт, открыл и прочи-

тал вслух:

– Так... Манн Яков Давидович... еврей...

После этого, не раскрывая диплом, он вернул мне документы со словами:

– По вашему профилю у нас работы нет.

Знающий человек сказал мне позже, что хотя Буримов и антисемит, но иногда он принимал евреев на работу, за большие деньги через доверенных лиц. У меня не было ни того ни другого.

Проходив полгода без работы, я сдал свой свободный диплом и взял распределение в Волгоград.

И вот теперь я вернулся, хожу по красиво вымощенным улицам, любясь красивыми домами, выстроенными при Австро–Венгерской империи, магазинами, в которых намного больше товаров, чем в волгоградских магазинах.

Вся радость от встречи с любимым городом закончилась в один день, который я смутно предчувствовал еще в Волгограде.

Когда Наташа вернулась с работы, я по ее лицу понял – что–то случилось.

– Ты помнишь Буримова? – спросила она с порога.

– Бывшего директора? Так его же сняли!

– Теперь вернули, правда не директором, а зам. директора по кадрам. Сейчас он распоряжается общежитием и предоставлением квартир.

– Когда это было?

– Несколько дней назад. Сегодня он вызвал меня в свой кабинет и приказал перейти из комнаты для семейных в комнату для одиночек.

– Но почему ? Нас ведь трое, в комнатах для одиночек живут по одному человеку, они совсем маленькие.

– Он не объяснял. Я отказалась.

– Ты отказалась?!

Бедная Наташа! И почему самые важные решения в нашей жизни ты принимала сама?!

Наташа решила помериться силами с человеком, который более 20 лет был всевластным хозяином на заводе, расставил везде свои кадры, который имел достаточно связей наверху, чтобы, будучи снятым за многочисленные нарушения, все же вскоре вернуться, хоть и не директором, а замом.

В дверь постучали, вошла теща.

– Меня из комнаты выселяют, – сообщила она.

– Но вы же работаете в этом общежитии, они не имеют права, – я был потрясен как быстро работала Буримовская машина. Теща недавно приехала в Черновцы чтобы помочь нам, устроилась уборщицей в этом же общежитии.

– Так они все общежитие переселяют, семейных кого на улицу, кого в маленькую комнату, одиноких сгоняют по два-три человека в комнату.

– И что, все подчинились?

– Да где там, слышите, бунтуют в коридоре...

Из коридора слышались невнятные крики.

– Ну что ж, – вздохнул я, – в дружном коллективе и помирать легче.

Но легче от этого нам не стало. Наташу стали травить в цеху, где она работала, организованно и беспощадно.

Атмосфера в цехах в Союзе, как правило, была напряженная, постоянные нехватки сырья и комплектующих, ненадежность оборудования преодолевались ударами начальничьего кулака по столу, наказанием подчиненных и сверхурочной работой в конце месяца.

Если к этому еще добавлялось плохое отношение начальника, жизнь становилась вовсе невыносимой. Наташа держалась храбро, но видно было, что надолго ее не хватит.

Через несколько дней в комнате погас свет. Теща, сходявшая на разведку, доложила:

– Отключили свет у всех бунтарей, также отключили газ на общей кухне.

Я вышел в коридор, он был темным и безлюдным. Бунтари собирались кучками, негромко переговаривались, некоторые несли фонарик или свечу. Я подошел к одной кучке.

– В некоторых помещениях розетки остались не выключенными, там видно отдельная разводка, – услышал я, – айда тяните удлинители.

Вскоре общежитие внутри и снаружи было покрыто электрическими проводами. Неярко засветились окна, освещенные настольными лампами, потянуло запахом еды из комнат, где стали готовить на электрических плитках – газовую пли-

ту в общей кухне отключили от газа.

Мои родители знали, что происходит, но они предпочитали жить с квартирантами, а не с нами. И когда был шанс взять кооперативную квартиру, все родственники дружно отказали мне в займе. Наша престарелая родственница, которую я старательно навещал еще со студенческих лет, наотрез отказалась прописать меня и двухкомнатная квартира в центре города после неё осталась государству.

Осада продолжалась несколько месяцев. Потом группа женщин из нашего общежития поехала в Москву. Москва, конечно, слезам не верит, она даже любит доводить до слез, но втихаря, чтобы никто не узнал.

В эпоху застоя не любили, когда люди начинали шуметь, митинговать. По возможности их сажали или лечили в психбольницах. Но тут простые бабы из Украины стали подымать крик, не соглашаясь ехать домой и тихо ждать пока придет официальный ответ из Москвы. И после нескольких шумных разборок в различных приемных кто-то наверху приказал: «Женщин отправить домой, выслать комиссию для разбора».

Комиссия приехала через неделю и приказала Буримову отменить переселение, оставить всех обитателей общежития на своих местах. Нам включили газ, электричество, мы победили. Но победа оказалась Пирровой. Наташа ходила на работу как на каторгу, ее травили по-прежнему.

В тот вечер мы улеглись раньше обычного. Наташа скольз-

нула мне на плечо, потерлась носом и тихо сообщила:

– Яш, я беременна. – затем добавила – Два месяца.

Я был поражен:

– Слушай, Светочке только полтора года, жилья нет, мы всего полгода получаем две зарплаты, накоплений никаких. Как это случилось? У тебя ведь была спиралька?

– Я ее вытащила.

– Но зачем?

– Я уйду в отпуск на 16 месяцев, за это время закончат дом для малосемейных, получим квартиру, тогда я смогу уйти с этой работы.

– Наташа, это все наоборот. Детей рожают, когда есть условия, А ты хочешь улучшить условия, рожая детей. – подумав я добавил:

– Я считаю, что ты должна сделать аборт.

Она лежала не двигаясь, часто дыша мне в ухо, я молчал и мое сердце разрывалось. Я знал, что она боится аборта.

На следующий день я рассказал все маме, она очень рассердилась:

– Как это так, не сказав тебе ни слова она вытащила спираль! Это нечестно, как она может вешать тебе на шею детей одного за другим!

– Но она не может тянуть эту проклятую работу, я ее понимаю.

– Как это не может, все люди работают. Пусть делает аборт и все!

Я понимал маму, но ярость ее нападок напомнила мне историю с Ирой, и я в свою очередь рассердился.

– Ну все, хватит, я уже взрослый и сам могу решить что делать.

Я пришел домой и объявил Наташе:

– Никакого аборта, будешь рожать!

Наташа подошла ко мне, обняла, прижавшись всем телом и сладко–сладко поцеловала в губы.

ЗАПОВЕДИ

Я был принят инженером на черновицкий электронный завод, помог хороший человек – без блата евреев на работу не брали – они ведь были неблагодарными, дашь им работу, зарплату рублей 120, а они возьмут да и подадут документы на выезд за границу. И начальнику того и гляди по шапке дадут – плохо мол воспитательную работу с кадрами ведешь! Гораздо безопаснее взять «местного» кадра, что в основном и делалось.

Первый месяц я должен был отработать на стройке – завод строил новый цех, рабочих рук не хватало, часть новичков, посылали на стройку. Мне было не привыкать – и в институте, и после учебы я почти каждый год ехал или на уборку урожая, или на стройку.

Бригада электриков, которой я должен был помогать, базировалась в новом цехе. Я переоделся в рабочую одежду в

новой просторной раздевалке и пошел долбить ломом бетон, как приказал бригадир.

Мой напарник был молодой еврейский парень из конструкторского бюро по имени Иосиф – высокий, тонкий, с бледным лицом.

Лом был тяжелый, бетон прочный, и вскоре, выбившись из сил, мы сели отдохнуть.

– Неужели нельзя было заранее предусмотреть это углубление, до заливки бетона, а не после? – я был усталый и злой. Иосиф улыбнулся:

– Надо же было оставить какую-то работу двум евреям – бездельникам.

Я саркастически удивился:

– А что разве нельзя устроить так, чтобы строители делали свою работу, а мы свою?

– А что ты считаешь своей работой?

Почувствовав подвох, я неуверенно ответил:

– Ремонт и наладка компьютеров...

– А я думаю, что у евреев есть более важная работа, которая им поручена три с половиной тысячи лет назад.

– Какая же это работа? – я мало знал о религии, хотя она меня всегда интересовала.

– Нести Божьи заповеди людям.

– Ты имеешь в виду те 10 заповедей, которые Моисей получил от Бога? Я помню там было «не убий», «не завидуй», «чти родителей» и что-то еще. Ты думаешь и сейчас кто-то

может не знать, что убивать плохо?

–В наше цивилизованное время убивают множество людей.

–Так ты считаешь эти заповеди были даны евреям не только для того, чтобы следовать им, но и передать их другим народам?

– Тора ясно говорит, что евреи избраны нести знание о Боге всем народам – включая знание о том что Бог един и о его заповедях.

– Ты не находишь, что иудеи нашли странный путь для этого, – я был рад случаю высказать вслух то, о чем я так много размышлял.

– Ведь самый прямой путь к этому состоит в принятии в иудейскую веру всех, кто желает этого. Но все было наоборот – иудеи всегда отговаривали желающих от перехода, всячески затрудняли им дорогу в иудаизм.

Иосиф помолчал, лицо его вдруг как бы постарело.

–Ты прав, за тысячу лет существования еврейских государств заповеди оставались известными только евреям. Иудеи, гордясь своей избранностью, забыли о своей миссии.

Тогда Бог руками римлян уничтожил второй храм и рассеял евреев по миру, и народы увидели среди себя избранный народ, гонимый и беззащитный.

Они решили, что Бог отвернулся от евреев и есть шанс занять их место.

Появились новые религии, чьи последователи объявляли

себя новыми избранниками божьими, при этом они включали часть иудейского канона в свою религию. Так заповеди и знание о едином Боге стали частью новых мировых религий.

– Почему, – удивился я, – ты считаешь, что для Бога так важно распространять свои заповеди?

– В заповедях изложены основные правила человеческой жизни, без их исполнения люди оставались бы стадом разумных обезьян, они бы никогда не смогли создать современную цивилизацию.

– И почему он просто не приказал всем людям принять их, он ведь всемогущий?

– Приказать он не может, потому что он создал людей со свободной волей. Он мог бы их всех уничтожить, например наслать всемирный потоп, но это уже было и новые люди, родившиеся от праведника Ноя, стали грешить, как и прежде, вот он решил попробовать обходной путь – найти преданного ему человека – Авраама – и из него создать преданный ему народ, несущий его заповеди людям.

– А затем, – продолжил я, – Бог демонстративно отвернулся от евреев, чтобы другие народы, ограбив их, включили иудейские священные книги, включая заповеди, в свой канон. Может тогда ему государство Израиль не нужно?

– Наверное теперь, после Холокоста, он решил, что нужно.

День был предпраздничный и когда, отработав до конца рабочего дня, мы вернулись в новый цех, там уже почти ни-

кого не было, рабочих отпустили домой пораньше.

Я стоял у закрытых на замок дверей раздевалки.

– Где бригада электриков? – крикнул я пробегающему вблизи прорабу.

– Всех отпустили домой, – ответил он, не останавливаясь, и побежал дальше.

Деваться было некуда, мы не могли ехать домой через весь город в грязной рабочей одежде. К тому же заперты были деньги на проезд и пропуска на завод. Надо было что-то делать.

Я подобрал, валяющийся неподалеку топор, и стал рубить дверь. Через несколько минут после очередного могучего удара дверь распахнулась.

Я победно повернулся к немногочисленным зрителям, собравшимся за моей спиной, рука с топором торжествующе поднята вверх, и увидел что в цех молча входит моя бригада. Оказалось, что они еще не ушли, просто задержались на объекте.

– Так, помощнички... – голос бригадира был полон яда, – Убивать таких надо... Умники тут собрались...

– Какое счастье, – сказал я Иосифу, выйдя из цеха, – Что он слышал что-то про «Не убий».

КВАРТИРА

Наш сын, Миша, родился в январе 1980-го года. Через несколько месяцев заселили дом, который мы так ждали. Но

нам место там не нашлось. Свой отказ администрация объяснила тем, что некоторые семьи, стоявшие впереди нас в очереди, не получили квартиры.

Как мы выяснили, они отказались сами, так как квартиры были очень маленькие и, получившие их, снимались с очереди на жилье. Поэтому они решили подождать большей квартиры. Но мы—то хотели хоть какое—нибудь жилье, но ничего не получили. Наверное, какие—то семьи, стоявшие в очереди позади нас, получили там квартиру, но все было шито—крыто, никакой информации не было, администрация могла делать, что хотела.

Я поехал в Москву добиваться правды. Я повидал приемные ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета, Комитета Защиты Советских Женщин и многие другие.

Везде меня принимали без малейших проволочек, вернее не меня, а мою письменную жалобу.

Со мной никто не разговаривал. Аккуратно одетые люди, сидя за барьерами с окошками, быстро принимали мою жалобу, выдавали расписку с обещанием дать ответ в срок до шести недель.

После этого я должен был тихо уйти, если я пытался продолжить разговор подходили вежливые молодые люди, которые легко и быстро помогали найти дверь на улицу.

Я вернулся домой не добившись ничего, через пару месяцев пришли отказы на наши заявления, подходил к концу Наташин декретный отпуск, надо было что—то делать.

В конце 80-го года я поехал в Тулу искать помощи у друзей своей студенческой юности. Я остановился на квартире одного из самых близких мне в прошлом людей, поскольку он стал позже довольно известным местным политиком, назовем его просто Вася.

Вася был старше нас на несколько лет, простой русский парень с негромким голосом, он был всеобщим любимцем в группе, где мы с ним учились.

Мы с ним прожили год или два в одной комнате в общежитии, вместе даже писали стихи, поздравляя девочек группы с 8 Марта, каждой девочке по стиху.

Много позже, увидев американского президента Клинтона по телевизору, я немедленно узнал в нем Васю – то же негромкое обаяние, умение нравиться всем.

Он стал председателем комсомольского бюро факультета, меня тогда же избрали членом этого бюро, я отвечал за новый набор. Тогда я выдвинул идею выдать каждому первокурснику комсомольскую путевку с заданием на зимних каникулах пойти в свою школу и рассказать о своем факультете. Вася одобрил идею и выписал несколько сотен комсомольских путевок.

Первокурсники с удовольствием выполнили задание. Когда же весной пришел день открытых дверей, на нашем факультете был такой наплыв людей, что декан факультета подошел ко мне и пожал мне руку.

Вася был единственный, кто смог что-то сделать для ме-

ня. Он позвонил одному из начальников шахтостроительного треста, которого он знал по совместной работе.

Тот согласился принять меня на работу электро–слесарем подъема и предоставить квартиру в семейном общежитии, правда не в Туле, а в районном центре Алексино. Общежитие еще только строилось, но я был счастлив – все, конец, мукам, пусть глушь, пусть работа простым рабочим, но будет место для моей семьи прислонить голову.

НАТАША

Я уехал из Черновиц после Нового года. Мне надо было оформиться на работу и получить квартиру. Наташа с детьми и тещей осталась в Черновцах в ожидании сигнала от меня.

Через 3 месяца я встречал свою семью в Москве. Я приехал на вокзал под вечер, поезд приходил рано утром, пришлось заночевать на скамье в зале ожидания.

Ночью меня разбудили люди в штатском в сопровождении милиционера и вежливо осведомились кого я жду. Я так же вежливо ответил, что встречаю семью, показал билеты до Алексина. Они пошли дальше – видно искали бездомных, очищали столицу.

Наташа вышла из поезда очень уставшая, сутки в пути с двумя младенцами утомят хоть–кого. Теща, быстро попрощавшись, уехала в Волгоград, пообещав вскоре вернуться.

Квартира ошеломила Наташу, 2 огромные комнаты, кух-

ня, ванна. Правда это было временное жилье, предоставленное до конца строительства семейного общежития.

Детки счастливо топали по полу, Наташа возилась на кухне, я разбирал чемоданы, вещей было не так много, большую их часть, включая мебель и мой любимый мотоцикл «ИЖ» с коляской, я отправил контейнером.

– Я должна тебе что-то сказать, – Наташа стояла возле дверей в кухню, она выглядела напряженной и нервной.

– Я... – она замолкла на миг, потом продолжила:

– Я беременна, 5 месяцев.

Я был ошеломлен:

– Опять! Почему ты мне раньше не сказала?

– Я не хотела тебя волновать, думала – ты уедешь и я сделаю аборт.

– Почему же ты не сделала?

– Я заболела, проболела месяц, потом поздно было.

Я был сражен, третий ребенок, опять жизнь на одну зарплату, впереди десять – пятнадцать лет ожидания квартиры, проживания всей семьи в одной комнате общежития.

Ситуация усугублялась одним обстоятельством, о котором я узнал уже работая на шахте. Трест, в котором я работал, строил много шахт, разбросанных по всей тульской области, по плану каждый год одну шахту вводили в эксплуатацию. На эту шахту бросали все силы, посылая работников в длительные командировки, отрывая мужчин от семьи на годы, а деваться некуда – с работы ведь не уйдешь, надо ждать

очереди на квартиру. Так и жили мужики вдаль от семьи, спиваясь в общежитии. Это же предстояло и мне и третий ребенок делал жизнь еще труднее.

Я понимал, что об аборте уже речи быть не может, и я был очень обижен на Наташу.

В ту ночь меня вызвали на шахту – авария на подъеме, я был ближе всех, за мной и приехали. Я работал всего несколько месяцев на шахте, электро–оборудование подъема сильно отличается от вычислительной техники с которой я до того работал, так что я был новичок.

Но в этот раз я легко справился, нашел несработавший датчик на одной из дверей с аппаратурой. Когда я прижал дверь рукой, он сработал и огромное колесо подъема со скрежетом завертелось.

После этого мне дали задание спуститься в шахту для мелкого ремонта. Я переоделся в шахтерскую одежду, одел телогрейку, каску с фонарем и поехал вниз на только что отремонтированным мной лифте подъема.

Там меня встретила влага во всех видах – лужи на земле, пропитанный влагой воздух, капала известковая вода с потолка оставляя белые пятна на телогрейках. Все шахтеры ходили в белых телогрейках.

Сделав работу, я пошел в парную, шахтерам давали выпарить из себя промозглую сырость шахты в парилке с сухим паром.

Дома у дверей квартиры меня почему–то встретила сосед-

ка, которую я раньше не видел:

– Вашей жене стало плохо, я увидела ее на полу без сознания, ваша девочка брызгала на нее водой и говорила: «Мама, вставай.» Вы поезжайте в больницу, дети побудут у меня.

Я поехал в больницу, пытаюсь сообразить что случилось, может выкидыш? Дежурный врач в больнице сухо сообщил, что Наташа сделала себе химический аборт.

Я был поражен – у нас в семье и абортот–то никогда не делали, а до такого я бы вообще никогда не додумался.

Я зашел в палату. Наташа была в сознании, обрадовалась лимонам, которые я принес, не помня где я их взял. Жадно высасывая лимон, она остановилась вдруг и сказала:

– Знаешь, чуть не умерла...

Вскоре она отослала меня домой, к детям.

Через два дня она умерла, отказала печень.

Последующие дни вспоминаются сквозь туман. Я варил манные каши, успокаивал детей, которые хотели маму. На шахте собирали деньги, организовывали похороны.

Приехал средний Наташин брат Миша из Мурманска, чудный парень, приехал мой средний брат Сема, и я ему за это всегда буду благодарен. Кто–то из них спросил какие у меня планы, я не знал какие.

Я позвонил маме, она сказала:

– Приезжай домой, будешь жить с нами, мы тебе поможем чем сможем.

Тогда я подумал, что если бы она этого не сказала, то ни-

когда больше бы она ни меня, ни детей не видела бы и не слышала.

Перед похоронами Наташу привезли домой, и я испытал странное чувство облегчения от того, что наконец—то она дома.

Поздно вечером, уложив детей спать, я зашел в комнату, где лежало ее тело. В комнате стоял сладкий запах смерти. У гроба я увидел Мишу, Наташиного брата. Он был моложе ее, ему было двадцать четыре года, успел отслужить в армии. Я тихо сел рядом с ним, какое-то время мы молчали. Потом он заговорил, медленно, обдумывая каждое слово:

– Она была святая мученица. С самого раннего детства она, да и мы тоже, жили с больным человеком, болезнь которого со временем перешла в садизм. Этот человек сумел запугать нас и сделать так, чтобы от нас ушла наша мать, и покрывал нами свои преступные действия.

– Она говорила, что любит его, – не удержался я. Миша помолчал с минуту, затем продолжил:

– Это произошло в станице Голубинской, в сорока километрах от Калача-на-Дону. Саше было около девяти, мне немногим больше. Наташе было четырнадцать лет, она уже сформировалась как девушка.

Вначале отец "воспитывал" Сашу, он вымочил ивовые прутья в кипятке и бил его ими. Вечером он переключился на Наташу, вначале бил, а потом мы слышали ее рыдания и мольбы: " Папа, не надо! "

– И никто этого не слышал?

– Нет. После этого он еще довольно продолжительное время на людях изображал из себя заботливого отца, но наверное, кто-то догадывался и тучи сгущались, и он увез нас в город Курган к своим родителям. Там Наташа спала на полу с ним и, конечно, он ее насиловал.

– Неужели его родители этого не видели?

– Видели и выразили возмущение поведением Наташи. Вскоре он увез нас из Сибири.

Из Кургана мы приехали в Волгоград, мы оказались в домике, который построила наша мама и из которого он ее выгнал.

– На какие же средства вы жили?

– Отец, в основном, не работал. Он заставлял нас ходить на свалку, собирать вещи и продукты. Этим мы и питались. И все это время мы подвергались физическому насилию, а Наташа еще и сексуальному. Это место было "Голгофой" Наташи, пока она не уехала в общежитие уже став студенткой института.

Миша замолчал, в его глазах застыли невыплаканные в детстве слезы.

Даже теперь, почти сорок лет спустя, мне трудно вспоминать эту историю. Давно нет в живых ее отца, истлел Наташин прах в могиле, с которой недавно украли надгробие, чтобы распилить на мраморную плитку. Но тот ужас, который я ощутил, узнав эту историю, остался в моей памяти на-

всегда.

Перед самыми похоронами приехала теща, и когда мне рассказали, что она ходила по местным магазинам и жаловалась всем, что жида убили ее дочь, я навсегда вычеркнул ее из своей жизни.

Я плохо соображал, у меня в памяти остался один фантазмагорический эпизод. Я отправлял контейнер с вещами обратно в Черновицы, вел мотоцикл, отсоединенный от коляски, по снежной дорожке, чтобы погрузить его в контейнер.

Внезапно грузовик, в кузове которого был мой контейнер, завелся и поехал навстречу мне, он ехал прямо на меня и я спасся, бросив мотоцикл в снег и прыгнув туда сам.

Грузовик проехал мимо, я поднял тяжелый мотоцикл и увидел, что грузовик, развернувшись опять едет на меня.

Я настолько был полон апатии, что застыл на месте и ждал – убьет так убьет.

Не то что я хотел умереть, мне было все равно.

Грузовик остановился в паре сантиметров от меня. Я залез в кабину и даже не спросил шофера почему он меня чуть не убил. А тот не сказал ни слова.

Я возвращался в Черновцы третий раз, мои дети и воспоминания – это все, что оставалось у меня от Наташи и от любви.

Я, конечно, никогда не прощу себе того, что произошло. Я был слеп и не видел, что происходит с самым близким мне человеком.

Я сейчас понимаю, что ребенок, выросший в семье родителей–тиранов, вырастает склонным делать тайком то, что он или она считает нужным, вместо того чтобы пойти на открытую конфронтацию, заявив о своих намерениях.

Тогда я этого не понимал, и не сумел спасти Наташу от себя самой.

Да, Наташа, есть вещи плохие, но самые плохие – это те, которые поправить нельзя, и их последствия тоже самые плохие.

Впрочем, я сам понял это позже, прислушиваясь к дыханию, задыхающегося от крупа полутора–годовалого сына, или еще позже, очнувшись от внезапной многочасовой потери сознания и видя перепуганную маму и детей у своей холодной постели.

ЭВАКУАЦИЯ

Я стоял у окна спальни и глядел на невысокий дома напротив. Раньше тут размещался институт усовершенствования школьных учителей. Теперь здесь был ОВИР, да–да, тот самый который разрешал (или запрещал) выезд на запад. Недоучившихся учителей выселили отсюда несколько лет назад, в самый расцвет застоя.

Дело было в том, что в Черновцах многие жители мечтали уехать за границу, которая, как известно, была на замке.

Из всех национальных групп, населявших большой город, только одна имела шансы на выезд – евреи, которые начали

получать разрешения на выезд благодаря многолетним усилиям Израиля и Америки.

Заявления на выезд принимали раз в неделю у небольшого числа желающих, которые имели столь желанный многими документ: приглашение на переезд в Израиль. В день приема у дверей ОБИРА, которые выходили на узкий тротуар одной из центральных улиц, собиралась толпа людей. Люди, которым еще долго было ждать, приходили убедиться, что их не выбросили из списков, некоторые торговали своими местами в очереди.

Эта еврейская толпа, перегородившая улицу в центре города, не понравилась заезжему милицейскому генералу и по его приказу ОБИР перенесли в здание напротив моего дома, которое имело большой внутренний двор, не просматриваемый с улицы. Там евреи собирались раз в неделю на протяжении нескольких лет, пока в один прекрасный день по приказу свыше не покончили с этим и приняли документы сразу у всех желающих выехать.

После этого евреи приходили в ОБИР только по вызову, чтобы получить разрешение на выезд или (чаще) отказ, и в большом дворе стало пусто и тихо.

В 88-м году ОБИР работал по-настоящему, было время перестройки и разрешения на выезд получали не единицы, как раньше, а тысячи людей.

Но из моего окна все выглядело как и прежде – безлюдные комнаты, обставленные письменными столами, изредка

промелькнет чей–то силуэт и опять никого.

Я вздохнул и отошел от окна. Может и я скоро понесу в ОВИР документы, но раньше надо было решить свои проблемы.

Раздался дверной звонок. Римма стояла у дверей и почему–то смотрела на соседского ребенка, играющего во дворе.

Наш дом, как и многие другие дома, построенные при Австро–Венгерской империи, имел уютный внутренний двор.

Стены дома заросли виноградом, который образовал крышу для двора. Получился очень уютный дворик, где играли дети и сидели на лавках взрослые. Мальчик лет трех деловито загружал машинку песком.

– Посмотри на его голову!

Голос Риммы – всегда такой мелодичный – был резким и тревожным. Я посмотрел. Голова была белой и голой, как лысина у старика.

– Они что его – брили?

Я был озадачен, на стрижку не похоже, а брить–то зачем?

– Я слышала сегодня от нескольких человек, что дети лысеют.

– Как лысеют?

– А вот так: утром встают – а все волосы остаются на подушке.

– Отчего же это?

– Никто не знает, может радиация от Чернобыля, может еще что.

Я почувствовал себя совершенно беспомощным. Год прошел после Чернобыля. Я вспомнил, как на следующий день после аварии, о которой еще не сообщали, я поехал загород на велосипеде по живописному, только что построенному шоссе, любуясь зазеленевшими лугами, которые могли быть радиоактивными. Как на следующий день мы пошли гулять с детьми после только-что выпавшего майского теплого дождя.

Мы так никогда и не узнали насколько радиоактивными были дождевые капли, падающие на нас и на детей с мокрых деревьев.

Я почувствовал прикосновение мягкой и нежной руки. Ее красивые глаза смотрели на меня тревожно и ласково.

– Мы ведь идем гулять, да?

– Конечно.

Прошло больше года с тех пор как я повстречал красивую молоденькую украиночку с ямочками на щеках.

Мы познакомились на свадьбе, играла музыка, мы танцевали весь вечер. Я пьянел от запаха ее волос, обнимая в танце молодое гибкое тело.

Я знал, что ее дома ждут двое детей, растущих без отца, она знала, что у меня дома двое детей, у которых нет мамы, мы ведь водили детей в один детский сад. И еще мы знали, что нашли друг друга.

За этот год мы пережили Чернобыль, женились, внесли первый взнос за кооперативную квартиру. Мы продолжали

жить с родителями, ожидая свою квартиру. Но в то время, когда мы пытались наладить нашу жизнь, все вокруг нас разваливалось.

Пустели магазины, исчезали товары, которые всегда лежали на полках. У домов стояли грузовики, в которые грузили сделанные на заказ огромные ящики – будущие эмигранты отправляли пожитки багажом. И вот теперь новая беда!

Гулять в тот день нам не пришлось. Раздался телефонный звонок.

– Ты слышал что творится?

Голос моей тети был полон тревоги.

– Все убегают из города и увозят детей.

– Убегают?

– Ну да, надо детей спасать, моя знакомая погладила дочку по головке и все волосы в руке остались.

– Но отчего же это?

– Никто не знает, может быть из–за радиации, может какая–то химия. Надо бежать!

– И куда?

– Поехали в Могилев!

Моя тетя на 10 месяцев старше меня. Когда моя мама родила меня, её мама не могла пойти проведать её в родильном доме, потому что не с кем было оставить младенца.

Теперь она живёт в Черновицах, замужем, имеет двух девочек, их–то она и хочет спасти.

– Но никого из наших родственников в Могилеве не оста-

лось, все разъехались.

– Заедем к Зине, у неё хоть тесно, но она не откажет– кузина все–таки.

До Могилева ехать было 4 часа на скором поезде. Выйдя на перрон в Могилеве мы оказались в толпе женщин и детей, только что сошедших с поезда. Поезд тут же тронулся и стал медленно набирать ход.

Во всех его окнах видны были молодые женщины, мелькали детские головки. Женщины стояли не двигаясь, как изваяния, печально глядя на перрон. У меня в голове промелькнуло: «Эвакуация... Как на войне...»

МОГИЛЁВ

Могилёв сильно изменился с тех пор как мы переехали отсюда 20 лет назад. Исчезли биндюжники с телегами, бывшими главным транспортным средством. Былые грунтовые и неровно мощённые улицы, покрытые лошадиным навозом, теперь аккуратно заасфальтированы. Новые большие дома сделали город непохожим на город моего детства.

Это был город, в котором нас не знали. Тут жили мои бабушка и бабушка, но бабушка умер, бабушка жила теперь в Черновицах, в квартире у той самой тети, которая поехала со мной в Могилев. Где–то здесь были одноклассники, соседи, знакомые, но как их найти через 20 лет?

Мы остановились на квартире у родственницы. Я помню их жалкую лачугу, в которой моя прабабушка Эстер жила

с дочкой, внучкой и правнуком. Прабабушка прожила там почти до 90 лет.

Теперь они жили в современной красивой квартире, целых две комнаты, в которых совсем не было места для ещё 8-ми человек. Надо было искать квартиру...

Город был переполнен беженцами. Я заходил во дворы частных домов, звонил в двери квартир, все было напрасно.

Во дворе одного частного дома ко мне вышел старый еврей в рваной жилетке. Он живо напомнил мне моего покойного дедушку. Глядя на меня одним глазом и прищурив второй, потягивая папиросу, он поинтересовался:

– Ви кого-то ищите?

– Мне нужно где-то приютить жену с детьми на время, мы беженцы из Черновиц.

– Опять беженцы из Черновиц... – Он выпустил изо рта белый папиросный дым.

– Во время войны румыны высылали евреев из Черновиц к нам в Могилев. Они все спрашивали где у нас «швиц» – так они называли душ. А какой там душ, мы до войны в баню ходили, а в войну и того не было.

Я спросил:

– И долго они у вас жили?

– Да нет, их вскоре в Печору, в лагерь смерти отправили.

– Ясно. Я вообще-то сам из Могилева, уехал отсюда 20 лет назад, у меня тут дедушка жил, Лейбл Горол, не слышали?

Старый еврей подумал, пожевал губами и сказал:

– Знал я твоего деда, хороший был человек. У нас места нету, но ты ищи, ты у себя на родине, парень, ты обязательно найдешь.

РОДИНА

Могилев действительно был моя родина, хотя если родина – мать, то он был моей мачехой.

Здесь лет десяти от роду, идя по улице, я увидел человека громко орущего что–то, в чем я мог разобрать только одно слово: «Жида!.. жида!..». Я не поверил своим ушам, яглянул на девочку, идущую мне навстречу с немым вопросом: «Мне это послышалось?» В ответ я наткнулся на взгляд в котором было столько муки и обиды, что я его помню и сегодня, спустя 50 лет.

Может после этого я и заболел стыдом за свою принадлежность к древнему народу, а может после того, как мы с отцом тайком, огородами, носили мацу из подпольной пекарни домой. Маца была теплая, только испеченная, мы несли ее в чистых белых наволочках дождавшись темноты, издали обходя встречных пешеходов.

Прошедшая война давала о себе знать. Я видел разрушенные в войну дома, которые отстроили только к концу пятидесятых.

Как–то мы с отцом шли по улице, отец остановился и завел бесконечный разговор на идиш со своим знакомым. Это был человек с громким крикливым голосом, широко разма-

хивающий руками и брызжащий слюной. Когда мы наконец пошли дальше, отец сказал мне:

– Его немцы расстреливали, он потом вылез из ямы...

Город менялся очень медленно. Люди в основном жили в убогих хибарах, улицы были кое–как мощены разнокалиберной брусчаткой и покрыты лошадиным навозом, который использовался как строительный материал.

В 1956 году здесь снимали сцены гражданской войны для фильма «Павел Корчагин». И хотя мне было только четыре года, я помню красную кавалерию в буденовских шлемах скачущую по пыльным улицам Могилева. Несколько дореволюционных вывесок – это все, что потребовалось для придания Могилеву вида времен гражданской войны.

Холодильников ни у кого не было. Чтобы охладить в жару молоко и мясо, зимой взрывали лед на замерзшем Днепре и складывали глыбы льда под откосом в центре города, пересыпали их соломой и древесными опилками.

Летом лед развозили по местным магазинам и базам. Детьми мы любили лазить туда, наслаждаясь холодом среди летней жары.

Я помню старух, вылезавших на завалинки каждую весну. У них был вид, будто они спали всю зиму и теперь хотели только погреться на весеннем солнышке и тихо умереть.

Большинство населения Могилева жило в таких же бытовых условиях как и сто лет назад. В жалких лачугах были низкие комнатки с крошечными окнами. В каждой комнат-

ке спали, часто несколько человек, туалет был во дворе, по ночам в комнатах использовали горшки. Воду носили ведрами с уличной водопроводной колонки, помои выносили в помойную яму во дворе, туда же шел и мусор.

Наш дом был построен на месте, где раньше был приемный пункт «утиль—сырье», там хранились старые вещи, посуда, макулатура. От этого развелось множество насекомых, которые первыми заселили наш дом. Я помню клопов, прыгающих ночью с потолка на мою постель. Как-то я проснулся среди ночи, чувствуя на себе пристальный взгляд. Я зажег фонарик и увидел большого черного таракана на стене в десяти сантиметрах от моего лица. Он ничуть не испугался, спокойно продолжал смотреть, шевеля длинными усами.

Туалет в нашем доме был один на всех, небольшая будка во дворе, поделенная на два отсека. Когда яма под ним заполнялась, приезжала специальная очистная машина, называемая «гамновозка» и через толстый шланг выкачивала содержимое ямы.

Летом темно-бурая масса в яме белела. Весь верх ее покрывался белыми червями, и от их непрерывного шевеления казалось там живет большой белый зверь.

Стирка белья была событием. Нанималась женщина, обычно пожилая украинка, которая зарабатывала на жизнь стиркой. Стирала она во дворе в большой бадье из оцинкованной жести. Стиранное постельное белье крахмалили, пропитывая жидким крахмалом, затем сушили на длинных

веревках, завешивая весь двор. Зимой белье не высыхало, а замерзло, его осторожно, стараясь не поломать, заносили в квартиру, где, отморозив, вешали досушиться, превращая всю квартиру в заколдованное белое царство.

Потом его гладили, раскаленный утюг, двигаясь в облаке пара, превращал мятую поверхность в бело–снежную, зеркально–гладкую. Складки от утюга на таком белье получались настолько острые, что о них можно было порезаться, как с гордостью говорила моя мама. Такое белье мало что впитывало, но долго оставалось белоснежным.

Летом во дворах варили варенье. Разводили большой костер, вешали над ним медный таз в который сыпали ягоды или фрукты, добавляли сахар. Обычно варили клубничное, малиновое или вишневое варенье. Для детей это был праздник, мы ждали пенки.

Мама снимала в блюдечко белую пену, смешанную с соком от варенья.

– Не обожгись, – говорила она мне, но я не давал ей остыть. Для меня пенка была даже вкуснее самого варенья.

Заготовка варенья была делом серьезным, ведь это была единственная возможность иметь ягоды зимой, пусть даже и вываренные в сахаре. Мама разливала варенье в стеклянные банки, она гордилась тем, что ягоды были целые – не разваренные, а сок густой, но не слишком. Банки шли на шкаф и только мама имела право в разгар зимы снять банку со шкафа, переложить варенье в блюдечко и поставить на обеден-

ный стол.

Зимой обогревались печами, жгли дрова и уголь. Вечером печь томно светилась бордовым светом раскаленных углей, наполняя комнату теплом, утром в квартире был холод, надо было чистить печь, разжигать дрова и уголь, припасенные с вечера. Вылезать из под одеяла не хотелось, но надо было идти в школу.

Школа моя была украинская, все предметы преподавались на украинском языке. Я не возражал, быстро и незаметно освоил украинский язык, учился на одни пятерки.

Когда мы изучали Тараса Шевченко, я влюбился в его стихи, писал школьное сочинение по его поэме «Катерина» стихами на украинском языке в размере стиха этой поэмы. Что я тогда знал о резне евреев казаками Хмельницкого, которого так воспевал Шевченко?

Потом пришел черед изучения книги «Борислав смеется» Ивана Франко, где все отрицательные герои были «жиды», и это слово во всех падежах, родах и числах заполняло страницы этой классики антисемитизма.

Нас заставляли читать вслух отрывки на уроках и даже украинские девочки и мальчики, которые обычно не стеснялись использовать это слово, смущались присутствием учителей и заменяли его словом «яврей».

В моем классе было много мальчиков с окраин города, где люди имели огороды и держали мелкий скот. Они с детства работали физически, помогая родителям по хозяйству,

но учеба их не интересовала. Среди них были второгодники, старше нас и физически отлично развитые.

Им было скучно на уроках и в старших классах они нашли себе развлечение – громко рыгали, соревнуясь между собой и радостно гогоча. Учителя были беспомощны и делали вид, что ничего не слышат.

Мне приходилось садиться за первую парту, чтобы услышать учителя сквозь отвратительные, мастерски исполненные рыгания и идиотский смех. За это меня невзлюбили, прозвали «профессором» и в конце концов побили, мне пришлось перейти в параллельный класс.

Да, Могилев, родина моя, суровая, нелюбящая и несправедливая, но я там вырос, лакомился пенкой от варенья, встретил первую любовь – и на том спасибо.

КРАСНОПОЛЬСКИЕ

Вскоре после того, как мы получили квартиру в 59–м году, умер наш сосед, Яша Краснопольский, огромный могучий биндюжник, на спор поднимавший «Москвич» за передний бампер.

– Сгорел от водки, – говорили люди, пожимая плечами. Это было так необычно для евреев, обычно не страдающих от алкоголизма. Остались шестеро детей и вдова, чтобы их кормить. Тетя Марта зарабатывала на жизнь, продавая дрожжи на базаре, пряча их от милиции под своей щедрой еврейской грудью.

Они занимали две маленькие комнатки в полуподвальном первом этаже. «Как же, – спросите вы, – жили семь человек в двух крошечных комнатах?» Очень просто: у них не было ни кухни, ни спальни. Ели, что бог пошлет, спали, где придется, кто на полу, кто на лавке.

Один из них, мой ровесник Левка, был другом моего детства. Мы играли во дворе в наши детские игры, когда подросли, играли в футбол.

У Левки оказался дар, он стоял на воротах, как Лев Яшин, его взяли в школьную сборную команду.

Бывало, что мы дрались, было и так, что я вступился за него, спасая от его же старшего брата, и в ответ на мирные уговоры получил такой удар под глаз, что потом неделю прятался дома, скрывая синяк от насмешливых сверстников.

Когда мне было 16 лет наша семья переехала в Черновцы и я увидел Левку только через 20 лет.

КРАСНОПОЛЬСКИЕ, 1988

Не смог я найти квартиру, пришлось возвратиться в Черновицы – надо было работать. Римма осталась в Могилеве с четырьмя детьми. Через несколько дней она мне позвонила:

– Все в порядке, твоя тетя нашла нам место у твоих бывших соседей.

– Какое счастье! Как зовут соседей?

– Краснопольские!

В доме, где прошло мое детство, теперь было какое-то

учреждение. Жильцов переселили в новые квартиры.

Нам повезло – моя тетя прямо на улице встретила Раю Краснопольскую и Рая и ее сестра Броня тут же поселили тетю с детьми и мою семью в своих квартирах. Они уступили каждой семье по комнате и даже отказались от денег. Не даром говорят, что самые добрые люди – те, кто сами лиха хватили.

На следующие выходные я поехал в Могилев. В этот раз на поезде было мало мам с детьми – в городе почти не осталось детей. Местные власти ничего не сообщали, но по ночам посылали поливочные машины мыть улицы.

В Могилеве меня ждал сюрприз. Едва я успел поцеловать детей, обнять Римму, как в дверь постучали. Вошли двое мужчин – один постарше, второй лет 35–ти, мой ровесник. Тот, кто помоложе, с интересом посмотрел на меня:

– Ты Яша?

– Да... Левка, это ты?

В 16 лет мы были одного роста. Теперь он был высоченный и могучий, пошел в своего отца.

– Ты где сейчас живешь, Левка?

– Сейчас нигде, жил в Одессе, уезжаем в Калифорнию, вот приехал с сестрами попрощаться. Да, познакомься – это мой тесть.

Я пожал протянутую руку.

– Тоже одессит?

Левка рассмеялся:

– Настоящий одесский вор, 25 лет отсидел по тюрьмам. Я отсидел только 10... Отсмеявшись, он продолжил:

– С женой твоей познакомился, красивая у тебя жена, и детям мать хорошая. Римма, скажи – ты поедешь в Америку?

В комнате воцарилась тишина. Потом я ответил, с трудом выговаривая каждое слово.

– У ее детей есть отец, отбывает срок в тюрьме, он не разрешает им уехать за границу. Без этого, сам знаешь, ее не выпустят.

Римма взглянула на меня, в ее глазах блеснули слезы:

– Ты поезжай со своими детьми, я потом как-нибудь выберусь, чего всем детям тут травиться, ты только дождись меня... – ее голос пресекся и она отвернулась.

– Я бы такую жену тут не оставил, – Левка попытался поднять настроение, потом безнадежно махнул рукой. – Тебя как в школе звали, «профессор»? Раз ты «профессор», что-нибудь да придумаешь. Встретимся там!

Его могучая рука дружески легла мне на плечо и я ощутил какого друга мне не хватало последние 20 лет.

Это оказалась последняя моя встреча с Левкой, я опять потерял его след, недавно, через 30 лет, я узнал, что его уже нет в живых. Да будет земля тебе пухом, Левка!

Через месяц дети стали возвращаться в город. Власти бодро сообщили, что город чист и никакой опасности нет.

Никто им не верил, но матерям надо было на работу и потянулись беженцы обратно в город – такой красивый, с чисто

вымытыми улицами, и такой пугающий.

Вернулась и моя семья. Город был тихий, только количество погружаемых в грузовики ящиков увеличилось. Евреи покидали в очередной раз землю, на которой они прожили сотни лет. Только не было с ними на этот раз Горы, была память о Холокосте, которая заставила их вновь ощутить себя иудеями.

До сих пор мы не знаем отчего лысели дети. Можно только догадываться, что дети сыграли роль канареек в шахте, которые первыми умирают, когда в забой проникает газ.

Больше мне на родине побывать не довелось. Дома меня ждало только—что пришедшее приглашение на выезд за границу.

квартира, лето 1987

Вернемся на год назад.

Мы с Риммой встречались уже полгода, в основном проводили время на ее квартире, которую она делила со своей мамой. Квартирка была крошечная, без удобств, зато рядом был большой огород, плодовые деревья и мои дети с удовольствием лазили по ветвям, собирая кислые яблоки и твердые груши.

Мы не задумывались о будущем, мы оба жили с родителями, и для меня иметь близкую душу хотя и не рядом, но недалеко, было вполне достаточно после пяти лет одиночества.

Квартира появилась сама, поманила пальцем и исчезла. Я даже не удивился, так было всю жизнь.

Институт автоматики, в котором я работал, получил целевой кооператив, т.е. какое-то количество кооперативных квартир, которые имели право заселить только работники нашего института.

Одна из квартир была большой пятикомнатной с двумя туалетами и двумя лоджиями. По советским законам такую квартиру могла получить только большая семья из шести человек. Я решил попробовать счастья и пошел в профком.

– А-а, Яков пришел, тоже квартиру хочешь?

– Хочу!

Председатель профкома был удивлен такой наглостью.

– Так ты же в очереди не стоишь!

– Встану. У нас четверо детей, мне полагается пятикомнатная квартира, я в институте один такой многодетный.

– Так вы же не женаты!

– Женимся, долго ли.

– Ну вот женишься – тогда и приходи, если квартиру не заберут.

На следующий день мы с Риммой понесли заявление в ЗАГС. Пришлось ждать несколько недель до назначенной даты.

Церемония была недолгой, гостей мы не звали – только мы да свидетели. Уже став мужем и женой мы вышли на главную пешеходную улицу Черновиц. Сияло солнце, небо было

синее-синее, воздух был наполнен запахом близкого лета.

– Ну теперь в паспортный стол, – деловито сказала Римма.

– Так и пойдешь в свадебном платье с фатой?

– А где же здесь переодеться, прямо на улице? Пошли, здесь недалеко.

И мы пошли по красивой, вымощенной брусчаткой и переполненной людьми улице. Многие мужчины останавливали свой взгляд на Римме, ее зеленые глаза и ямочки на щеках, стройная фигура и длинные черные волосы делали ее похожей на юную девочку. Да она и была молодой – 26 лет, на 9 лет моложе меня.

В паспортном столе нас ждала очередь. Теща, у которой там работали знакомые, куда-то зашла с нашими документами, недовольная очередь критически разглядывала нас.

– Куда спешить-то?, пришли бы хоть после брачной ночи, а то вдруг не понравится, так что – опять выписываться! – с притворным участием спросила пожилая женщина.

Римма густо покраснела.

– Нам нужно срочно в очередь на квартиру встать, – попробовал я объяснить.

– Я тоже такой, как она, была, когда в очередь становилась, – ответила женщина, – до сих пор жду. Не спеши, девка, быстро только дети делаются...

– А-а, молодожен пришел, – радостно встретили меня в профкоме, – а квартира то тю-тю, ушла к другому. Становись в очередь, лет через 15 может еще пришлют.

Я даже не был сильно удивлен:

– Неужто нашлась еще одна многодетная семья?

– Кто надо, тот и нашелся.

Знакомая история, как обычно – где не хватило детей, заменили деньгами.

Меня вызвали в профком через месяц:

– Квартира твоя... Деньги есть?

Что-то у них не сработало, то ли начавшаяся перестройка спутала карты, то ли еще что-то не получилось, но квартиру швырнули мне – на, подавись.

не разлучаются ...

Осенью 88-го года мы с Риммой подали в суд, пытаюсь лишить отцовства ее бывшего мужа, который был в заключении. Таким образом мы рассчитывали открыть Римме и ее детям дорогу на Запад. Но, несмотря на перестройку, увидев мою еврейскую физиономию, суд нам отказал.

В январе 1989 года мы вселились в новую квартиру.

В нашей квартире было холодно, отопление чуть грело, мы были единственные, кто вселился вскоре после сдачи дома. Мы торопились зажить, наконец, одной семьей, но делали это по инерции, понимая, что судьба вскоре разлучит нас.

Дети радостно топали по коридору, делили комнаты, восхищались лоджиями, ванной и двумя туалетами. Мы стояли у окна своей спальни – нашей спальни! – судорожно вцепившись друг в друга. Римма не плакала, но глаза ее были пол-

ны слез.

– Я тебя не держу, – говорила она, – я все понимаю, ты видел много обид и горя в этой стране и ты хочешь лучшей жизни своим детям.

– Но я тебя люблю, – твердил я, – я люблю тебя, я хочу тебя, я не хочу жить без тебя...

Внезапно мы очутились в кровати, она сидела, держа мою голову на коленях, я вдыхал запах ее тела, целовал ее грудь и соленые слезы капали мне на лицо.

Я уезжал в июне 89-го года. Оставил Римме кооперативную квартиру со всей обстановкой. Мне едва хватило денег уплатить за лишение меня гражданства и на обмен валюты.

Мы расставались на переполненном вокзале в Чопе. Мои дети – снова «мои», не «наши» – боязливо жались к нам, стараясь прикоснуться к ее руке. Толпа пассажиров толкала нас в разные стороны, но мы этого не замечали. Поцеловав детей, она обняла меня, ее пухлые губы были сухими и горячими, глаза полны слез, которые она старалась удержать. Она отстранилась и сказала:

– Иди, поезд уйдет...

Я повернулся, взял детей за руки и, пошатываясь, пошел в то неведомое, что начиналось за дверью, у которой стояли пограничники.

Нью Йорк

2016

ЗАКОНЫ ИКАЖУЧА

Глава 1

Здание ничем не отличалось от других офис–ных многоэтажек делового центра города. Сара посмотрела на экран своего мобильного телефона, убедилась в соответствии номера на экране с номером дома, у которого она была, и захватив свою сумку, вышла из такси. Так вот как нынче путешествуют к звездам...

Она улыбнулась и с удовольствием осмотрела свою фигуру, отражающуюся в зеркальной стене здания. Природа была к ней щедра – красивая грудь без силикона – с силиконом бы ее не взяли, плоский живот, стройные ноги, высокие скулы, пухлый рот – все было подобрано со вкусом и гармонировало с серыми глазами зрелой 35–ти летней женщины, привыкшей полагаться на себя.

Сара прошла в лифт и выбрала 51–й этаж. «Чем выше, тем ближе к звездам», подумала она про себя и улыбнулась – какое значение имеет высота 50–ти этажей по сравнению с расстоянием, которое ей предстоит преодолеть до звезд, да еще в разобранном виде.

Это был новый способ преодоления пространства, одно из многих новшеств, появившихся после открытия «чужаков». Вернее, открыли они себя сами, просто в один прекрасный день они подсоединились к земной теле сети и сообщили, что уже давно наблюдают за землянами и теперь хотели бы познакомиться.

Знакомством это было трудно назвать, поскольку на экранах телевизоров «чужаки» были видны только как темные тени на еще более темном фоне. Оказалось, что они настолько непохожи на нас, насколько это только возможно. Их зрение было в другом диапазоне световых волн, и обмен веществ у них был совсем не такой, как у людей. Вообще их нельзя было видеть, трогать, слышать. С ними можно было только обмениваться информацией через электронные устройства.

Конечно, обменом это было трудно назвать, землянам было нечего им дать, достижения земной цивилизации были им или не нужны, из-за особенностей их организма, или были давно забыты, как на земле давно забыли как делать бронзовые мечи или костяные наконечники.

Но «чужаки» не возражали, они с удовольствием научили людей некоторым «фокусам», как они выражались, которые повлияли на жизнь всей планеты.

Одним из таких «фокусов» или – как земляне говорили «чудес» – была открывшаяся возможность путешествовать к звездам. Для землян это было «чудом», хотя «чужаки» старались объяснить, что в специальном аппарате тело человека сканируется и кодируется, затем разбирается на мелкие частицы, которые и посылаются к звездам специальным излучателем вместе с кодом.

В пункте назначения человека собирали по его коду, для него все путешествие длилось секунды. Как эта техника дей-

ствовала понять было невозможно, черные ящики работали сами по себе, не требуя ухода и казались вечными. Звезды и их планеты не очень-то годились для землян, которые к тому же прибывали туда голыми, неодушевленные предметы почему-то нельзя было пересылать.

«Чужаки» пытались что-то объяснить, но земляне ничего не поняли, к тому же «чужаки» скоро обустроили зоны для приема землян на специально подобранных планетах, где путешественников ждали все удобства, к которым они привыкли на Земле.

Со временем эти зоны превратились в курорты, о которых побывавшие там рассказывали чудеса.

Там было и небо в котором светились семь лун, и сафари на похожего на дракона зверя, и полеты на больших птицах и многое другое о чем восторженно рассказывали звездные туристы.

Многие земляне рвались к звездам, но брали не всех, далеко не всех. «Чужаки» говорили что-то о сложности процесса, выбирали тех кто моложе и поздоровее, тренировали будущих путешественников выживанию в случае, как они говорили, «заброса не туда».

Земляне смеясь говорили, что если кто окажется голым в океане жидкого азота, то тренировка ему поможет.

Как бы то ни было, очень немногие прошли через черные ящики к звездам и Сара была счастлива получить звонок – ее взяли. На ее лице появилась улыбка, с которой она и вышла

из лифта.

Ее уже ждали, небольшая группа парней и девушек в белых халатах готовила ее к путешествию – очень ловко и профессионально.

Подготовка была длительной, перед душем ее постригли наголо, выбрили волосы на всем теле. Кишечник тщательно промыли.

На все протесты они сухо отвечали что-то о затратах энергии, и что там, на звездах, своего дерьма и так хватает, волосы же вырастут.

Когда все закончилось, она чувствовала себя пустой и легкой.

Приближался момент отправки. Сару ввели в темную комнату, положили на высокий стол, закрепили руки, ноги и голову, затем раздался щелчок и Сара почувствовала что подымается в воздух и затем повисла, руки поднялись не сгибаясь до высоты плеч, ноги широко раздвинулись, ее тело образовало пятиконечную звезду. Раздался гул, по ее телу побежали невидимые лучи – началось сканирование.

Потом звук смолк, в комнате потемнело, чей-то голос произнес:

– Транспортировка завершена.

– Так что – я уже на звезде? – подумала она.

В этот момент чья-то рука, протянувшись из темноты воткнула шприц в ее ягодицу и все вокруг потемнело.

Сара пришла в себя не сразу, сначала она услышала шум,

тихий невнятный шум, который становился громче и громче, пока не превратился в хаотический шум большой толпы.

Затем в глаза ударил свет и она устало открыла глаза. В голове туманом колыхалась боль, в глазах мелькали искры.

Она с трудом приподнялась и села. Внезапно что-то сообразив, она осмотрела себя, на ней не было никакой одежды.

Сара подняла руку и, преодолевая всколыхнувшуюся боль, коснулась колючей щетины на голове.

Шум усилился и она внезапно сообразила, что находится на помосте, окруженном толпой. Все глаза были устремлены на нее и на стоящего рядом человека в длинной белой одежде, который, указывая на нее кричал:

– Вот она посланница небес, ее появление здесь – это знак, которого мы ждали, встань о, чудодейственная!

Сара медленно встала чувствуя сотни глаз на своем обнаженном теле, мысли путались. Человек, стоявший рядом воздел вверх руки и продолжал:

– Эта женщина послана богами и приношение ее в жертву принесет нам милость богов! – Он поднял к небу руку и в ней сверкнул длинный острый нож.

– Да свершится воля богов, приславших нам любезную им жертву!

Он повернулся к Саре, сделал шаг в ее сторону и поднял нож. В этот миг Сара чисто автоматически вскинула руку, нажав на еле заметный бугорок на указательном пальце, и резко провела выскочившим лезвием по горлу мужчины.

Это было то самое движение, которое с ней отработывали до автоматизма, вживив ей лезвие по технологии «чужаков», единственное оружие которое ей дали в дорогу.

Лезвие тихо щелкнув спряталось обратно в палец. Со стороны казалось, что она сделала танцевальное «па» и замерла. Нож ударился о помост, следом за ним упал жрец, обливаясь кровью и царапая помост ногтями.

Толпа ахнула, потом мужчина с черной бородой громко крикнул:

– На колени перед посланницей богов, новой Главной Жрицей храма Любви!

Сара смотрела на рухнувшую на колени толпу, на тянущиеся к ней руки, на чернобо–родого человека, который стоя на коленях, протянул к ней руки и продолжил:

– Скажи нам, О Великая, какой наказ послали боги пилигримам храма Любви и Плодородия?

Сара выпрямилась, собственная нагота более не смущала ее, она протянула руку и сказала:

– Бог послал меня сказать, что он полон любви к людям и что он запрещает все убийства, включая человеческие жертвоприношения!

Слова пришли легко и просто, как заложенные кем–то в голову.

Голос из толпы ответил:

– А кто твой бог? Может мой бог считает по другому и желает жертву!

Сара повернулась в сторону говорившего:

– Бог есть один, он любит нас, и он не хочет убийств.

Чернобородый мужчина встал с колен, протянул к ней руку и сказал:

– Позволь, о великая, отвести тебя в твой храм.

Сара пристально взглянула на него, понимая что за его действиями что-то кроется, протянула ему руку, не ту, что с лезвием, а другую, и не спеша пошла, глядя прямо на расступающихся перед ней людей.

Поднявшись по ступеням храма, они повернулись, постояли немного, затем зашли в храм. Мужчина вел ее к дверям в боковое помещение. Зайдя в небольшую комнатку он заметно расслабился, вздохнул с облегчением и подал ей белую робу, очень кстати оставленную кем-то на кушетке.

– Ну слава богу, все обошлось, я уже думал – все, конец.

– Так вы с Земли?

– Да, нас тут немного.

– Можете объяснить – что случилось? Как я тут очутилась?

– Ну, это несложно. Вы ведь собрались лететь к звездам в виде частичек, не так ли?

– Да...

– Ну так подумайте, если они сканировали вас и переслали ваш код, зачем им посылать частички? Что у них там своих нет?

– То есть как?

– Вся информация о человеке содержится в коде, который легко сканируется, материя же везде одинакова, им легче собрать человека из местных частичек, чем пересылать его, меньше затраты энергии.

– Но если самого человека не пересылают, то что с ним делают?

– Вопрос века! Я и еще некоторые, включая вас, оказались здесь, в основном не так драматично, как вы, и не с таким успехом, вы сразу сделали себе должность – Главная Жрица Храма Любви и Плодородия.

– Так кто–же полетел к звездам?

– Вы, вернее ваш код по которому создана ваша копия. Вас уже собрали и вы красиво отдыхаете. А здесь оригинал, почему–то не уничтоженный.

– Так что, при каждой пересылке оригинал убивают?

– Ну зачем так трагично, просто разбирают на частички, которые не посылают к звездам, а спускают в унитаз.

– Но человек–то ведь погибает!

– Как так погибает, он летит к звездам, возвращается обратно полный впечатлений. Так что вот так, они там, мы здесь.

– И что же мы тут делаем? – Это сейчас интересовало Сару больше всего.

– Кто что может, выживаем, вам вот повезло – работа не тяжелая, много рабов.

– А что делать надо?

– Иногда заниматься любовью с молящимися на глазах у всех, что бы молитвы доходили до богов.

– Не богов, а бога.

– Вам виднее. Вообще непонятно зачем «чужакам» понадобилось делать это. Я полагаю, что нас сделали частью какого-то массового эксперимента. Кстати, ваша речь о запрете на убийства и что бог один – откуда это?

– Не знаю, само пришло в голову.

– Вы религиозная?

– Да вроде нет.

– Похоже, что «чужаки» внушили вам это, и тут еще это лезвие в пальце?

– А что у других его нет?

– Не у всех, – мужчина покачал головой, – кстати, меня зовут Ав.

– Я Сара. Так вы считаете, что «чужаки» это подстроили, что бы запретить убийства?

– Может быть, плохого в этом нет, не уверен, что у вас получится. Человек кровожаден по своей природе, склонен к насилию.

Ав посмотрел Саре в глаза:

– Вас ничего в этом храме не смущает? Вы не против публичного секса на открытом воздухе?

– А у меня есть выбор? – Сара посмотрела на своего недавнего знакомого и обнаружила что он неплохо выглядит, еще молод и черная борода, ничуть не старя, придает ему

авторитетность.

– Сбежать со мной, это другой вариант. Конечно, вы потеряете своих рабынь и служанок, и фрукты с храмового сада, и много секса, но я обеспечу вам одну–две служанки, еду на каждый день, а насчет секса – как вам будет угодно.

Сара задумалась в упор глядя на Ава, потом отвела глаза и сказала:

– Уговорили, пока пойду к вам, там посмотрим.

Ав радостно рассмеялся:

– Отлично, вы не пожалеете. Теперь набросьте сверху вон ту черную накидку и попытаемся выбраться отсюда незамеченными.

Глава 2

Солнечный зайчик скользнул по лицу, оставив теплый след и исчез, унесенный ветром, качающим ветви старого дерева за окном. Сара сладко потянулась в постели и вновь закрыла глаза. Большая кровать стояла у окна в сад и так сладко было засыпать под шелест его листьев, особенно после сеанса бурного секса, добавила она про себя и потянулась еще раз.

Ав не обманул, у него был небольшой домик на окраине городка, окруженный садом, а отсутствие удобств, даваемых цивилизацией, здесь компенсировалось вполне услугами рабынь и служанок.

Сара уже не удивлялась, как в первый раз, когда спросив

где тут туалет, она была усажена на красивый фарфоровый горшок, а потом ловкие пальцы помыли ее над специальным фонтанчиком, используя куски льняной ткани.

Таким же важным событием – еще более приятным – было принятие ванны, которое привлекало множество слуг и служанок, заполняющих большую ванну горячей водой и моющих Сару.

Сара не переставала удивляться количеству людей, работающих на Ава, он оказался довольно богатым человеком. Хотя он и владел большим стадом, которое пасли его слуги, вряд ли оно давало доход, достаточный для такого образа жизни. Поразмыслив, Сара пришла к выводу, что «чужаки» обеспечили его чем-то секретным, как ее лезвие в пальце, что давало ему доход.

Впрочем слово «чужаки» они старались избегать, имея множество слуг и рабов, обслуживающих их на каждом шагу, они понимали, что каждое их слово было кем-то услышано, к тому же легкие занавеси в дверных проемах не мешали быть услышанными даже когда они были наедине.

Ав посоветовал заменить его словом «Икажуч», которое было словом «чужаки» прочитанное наоборот.

Лезвие в пальце было не единственное изменение она обнаружила в себе. Присмотревшись, она заметила крошечную родинку у себя под правым глазом, Сара долго терла ее кулаком, но она сидела прочно, как будто всегда там была.

Вечером Ав попросил Сару принять ванну пораньше, ве-

чером он собирался познакомить ее с друзьями.

Он пришел за ней слишком рано, она все еще сидела в ванне и служанка заканчивала мыть еще короткие волосы. Ее круглая грудь была покрыта мыльной пеной и лепестками, плавающими в воде. Тем не менее ее соски напряглись под его ласковым взглядом. Сара резко встала на ноги, позволив служанкам осушить себя и одеть.

Гости вскоре пришли, это были люди всех слоев общества, пастухи и земледельцы, лекари и ремесленники. Все громко говорили, представляли свои семьи, пили алое, как кровь, вино.

Сара обратила внимание, что в каждой семье хоть у одного члена была такая же родинка на лице. Тут ее осенило – может это знак, которым он, Икажуч, пометил «туристов» с Земли?

Чтобы проверить свою гипотезу она пытливно вгляделась в Ава. Ну да, конечно, вот она маленькая родинка под правым глазом, почти скрытая бородой.

Теперь она другими глазами смотрела на это сборище, так это все свои, оттуда. Ав внимательно наблюдал за ней и когда она остановила свой взгляд на нем, он ласково ей улыбнулся и она подумала: «Все будет хорошо, я среди своих».

Ав вышел на небольшое возвышение и поднял правую руку, шум постепенно стал стихать.

Когда стало совсем тихо, Ав подозвал к себе Сару и положил ей руку на плечо.

– Уважаемые гости, позвольте представить вам мою жену Сару, посланную Икажучем к нам.

Раздались приветственные возгласы, никто не удивился слову «Икажуч», видно оно у них было в ходу.

– Сегодня ночью Икажуч послал мне сон.

Вдруг стало тихо, все глаза были направлены на Ава.

– Икажуч сообщил, что наше появление здесь нужно ему для выполнения его плана. Икажуча очень беспокоит моральное состояние общества людей, которое он нашел на Земле. Люди убивают, воруют, обманывают, изменяют и лгут.

– Как я понял, у Икажуча свои проблемы с соседней цивилизацией и он ищет союзников. Поэтому он установил с Землей контакт, надеясь помочь нашему прогрессу и вырастить общество, которое станет его союзником, но при нынешнем состоянии дел на Земле, люди скорее уничтожат свою цивилизацию, прежде чем смогут достичь ее высот.

В зале слышен был только шум воды в фонтане.

– Но почему мы здесь, какая наша роль? – грузный молодой мужчина нарушил тишину.

– Мы участвуем в эксперименте, поставленном на планете похожей на Землю.

– Икажуч сказал что мы должны заявить во всеуслышание, что он создатель этого мира и мы посланы им чтобы принести людям его главные законы:

Не убий!

Не лги!

Не завидууй!

– Мы посланы Икакжучем нести знание о его законах всем народам мира. Икакжуч сказал, что страна, в которой мы живем, будет нашей и мы построим здесь его храм.

– А что будем делать, – крикнул кто-то из толпы, – если люди из других народов захотят присоединиться к нам, посланным?

– Ответ на это очень прост – только люди с родинкой и их потомство могут принадлежать к посланному народу. Остальным же достаточно соблюдать главные законы чтобы заслужить милость Икакжуча.

Подумав, Ав закончил:

– Икакжуч очень надеется, что люди переймут он нас его законы.

Все молчали и Саре почудилось, что она увидела страх в глазах людей, обращенных к небу.

Глава 3

Проснувшись, Сара не сразу осознала где она находится, она была не в своей уютной спальне а в большом зале, смутно ей знакомом. Она попыталась повернуться и не смогла, посмотрев на свои руки и ноги, она обнаружила, что они связаны.

– Что случилось? – подумала она, – меня похитили? Та новая служанка, она мне сразу не понравилась!

– Спокойно, – голос был не знаком ей.

– Ты находишься там, куда тебя послали боги, нарушать волю богов это кощунство.

Теперь она узнала это место – храм любви и плодородия. Она покосилась на говорившего – это был статный мужчина в белых одеждах жреца.

– Но я не поклоняюсь богам этого храма, я принадлежу к посланным людям, мы строим свой храм, разрешенный царем этой земли.

– Боги послали тебя сюда, ты должна исполнить их волю, поучаствовав в обряде вместе с другими жрицами.

Только теперь Сара увидела других женщин в комнате.

Почти раздетые, они громко смеялись, разговаривали, ничуть не беспокоясь предстоящим.

– У меня есть муж...

– Наши обряды священные, в них часто участвуют замужние женщины.

Раздался гонг, сигнал к началу. Женщины потянулись к выходу. Двое крепких жрецов подняли Сару, поставили ее на ноги и повели.

Шум толпы ударил по ушам, узкий храмовый двор, выложенный плоскими камнями, был полон людей. Некоторые из богомольцев держали на поводу домашних животных.

Женщины сняли с себя одежды и расположились, полулежа, на удобных кушетках, расположенных в центре помоста. Храмовые служанки сутились над ними, смазывая их тела

благовонными маслами.

Сару подвели с столбу с поперечиной на уровне плеч, сняли с нее одежду, крепко привязали к столбу, широко раздвинув ноги, привязали стопы к невысоким столбикам, раскинув руки, привязали их к перекладине.

Служанка подошла к Сара с флаконом благовонного масла, начала мазать ей кисть правой руки, но увидев ее злые глаза, тут же исчезла.

Никогда еще Сара не чувствовала себя такой уязвимой. Выставленная на полное обозрение толпе она чувствовала страх и в то же время странное возбуждение.

Она изнеможенно закрыла глаза но тут же открыла их – раздался второй гонг.

Богослужение началось. Первым к жрецам подошел немолодой крестьянин, ведущий на поводке небольшого бычка, он передал им конец веревки и проговорил:

– Молю богов о плодородии земли моей, окончании засухи и даровании наследника.

Жрец отвел бычка к специальному желобу, ловко перерезал ему горло, кровь хлынула в желоб.

– Мясо жертвую храму и бедным, – сказал крестьянин.

– Хорошо, – ответил жрец, – а для наследника иди туда. –

Он показал рукой на женщин.

– Кого выбираешь?

– Пожалуй Зару, с ее помощью прошлый раз жена родила мне ребенка, жаль что помер.

Крестьянин подошел к одной из женщин, задрал свой балахон, бормоча какие-то молитвы. К жрецу уже подходил следующий в очереди, держа в руках мешочек с монетами.

Сара глядела на толпу – где ее муж? Уж он-то бы что-нибудь да придумал. Но его не было в городе, поехал закупать мрамор для храма Икакжучу.

Одно лицо в толпе показалось ей знакомым, да, она встречала его раньше, один из посланных, кажется его зовут Иегу, рожден здесь от посланной матери.

Молодой парень старался не смотреть на нее, но это у него плохо получалось и она то и дело ловила его осторожный взгляд.

Уже несколько женщин поучаствовали в молитвах о плодородии жен, мужчины, подарив на прощание монетки, сошли с помоста, поправляя на себе одежду.

К жрецу подошел молодой воин, бросил большой мешок к его ногам. Жрец поднял мешок и открыл, оттуда выпали серебряные вещи – блюда, кубки, подсвечники.

– Это от меня богам, добыча последней войны. Пусть они даруют мне добычу побогаче на следующей войне. Я выберу эту, – он указал пальцем на Сару.

– Богохульство, – раздался голос из толпы.

Сара присмотрелась – это был Иегу.

– Бог не разрешает убивать и грабить, грех просить его помощи в этом.

Воин посмотрел на говорившего, осклабился в злобной

улыбке:

– Ты из посланных, твой бог запрещает убивать, у меня свои боги, мне нет дела до твоего бога.

– Бог один для всех!

– Если ты так смел, выйди сюда, посмотрим чего стоит твой бог.

Воин положил руку на небольшой кинжал, висевший на поясе.

– Но мне нельзя убивать, – Иегу побледнел.

– А мне можно, и я сделаю это с удовольствием. Выходи, посмотрим как твой бог защитит тебя!

Иегу молча вышел на помост, он был безоружен. Воин обнажил свой кинжал:

– Ну, молись последний раз своему богу...

– Подожди солдат, – услышала Сара свой голос, – иди сюда, помолимся богам за твою удачу на войне.

– Вот это другой разговор, – солдат вложил кинжал в ножны и подошел к Саре.

Он положил руку ей на грудь, задрал свою тунику. Сара вскрикнула и мгновение позже кисть ее правой руки, смазанная храмовой служанкой, выскользнула из привязи, шелкнуло лезвие и рассекло кровеносные сосуды в шее солдата. Он захрипел, схватился за горло и упал.

Сара быстрыми движениями рассекла свои путы, тонкое, острое как бритва, лезвие не было видно в двух шагах и казалось что они спадают просто от взмахов руки.

– Так бог наказывает за богохульство, – начала она, но Иегу дернул ее за руку:

– Бежим!

Они вбежали в храм, пробежали до заднего выхода, выбежали наружу и, таясь за оградами, скрылись.

Глава 4

– Заходи, Иегу, заходи, – голос Ава был полон радушия и гостеприимства.

– Спасибо, – Иегу был смущен, – хотел узнать как Сара поживает.

– Сара, – крикнул Ав, – у нас гость.

Сара вышла к гостю, подошла к нему и поцеловала в щеку.

– Спаситель, – сказала она, – Спасибо.

– Да какой я спаситель, ты сама спасла себя и меня. Я сожалею, что для этого тебе пришлось нарушить заповедь.

–Что делать, – вмешался Ав, трудно соблюдать «Не убей», когда окружающие тебя ничего не имеют против убийств. Когда мы им говорим «Не убей», они отвечают, что это для посланных людей, а они не посланы, им это не надо.

–Ав, вот об этом я хотел с тобой поговорить, – Иегу остановился, облизнул пересохшие губы и продолжил:

–У людей было бы совсем другое отношение к Икакжучу и его заповедям, если бы они могли приходить молиться в его храм, чувствовать себя посланными, быть частью нашей общины.

Они ведь считают, что мы у нашего бога на особом счету, что он нам помогает, и они тоже этого хотят. Каждый хочет знать, что он любимый сын у бога.

– Ты хочешь чтобы мы отказались от своего особого места среди народов, стали как все. Ведь мы посланы сюда с целью, у Икажуча для нас есть план.

– Прости меня Ав, но это гордыня в тебе говорит, ты не хочешь быть как все, ты хочешь быть лучше всех, стоять между людьми и богом.

– Ну почему я, и ты тоже, и все посланные.

– Я не хочу быть лучше других, я хочу вести всех людей к богу.

– Ну что ж, нам придется согласиться с тем, что мы не согласны, – Ав улыбался, но глаза его были холодны.

Ав был прижат толпой к чьему-то забору, головной убор сбит с головы, но он был так зажат толпой, что не мог нагнуться и достать его. Толпа окружала тонкую фигуру человека, который горячо говорил, размахивая руками.

– Икажуч послал свои законы всем, он любит всех людей и не только посланные его народ, вы все его народ.

Ав, наконец, протиснулся вперед и оказался возле говорившего, которым оказался Иегу. Напрягая голос он крикнул:

– Мы посланы передать вам его законы, нести вам учение о Едином Боге, который управляет всем!

Что-то мягкое шлепнулось об его лоб, он посмотрел под

ноги – это был гнилой помидор.

–Мы для вас люди второго сорта, вы нас не принимаете в свою веру, мы созданы тем же богом и так же дороги богу как и вы – раздались ответные крики.

Ав стал выбираться из толпы. К летящим помидорам добавились камни.

Сара подошла к решетчатой двери и отшатнулась – в лицо ей ударил тошнотворный запах давно не мытого человеческого тела. Человек, лежавший на полу, поднял голову, затем с трудом поднялся.

–А, это ты, – голос его был тихий, но ровный.

–Последний визит перед казнью.

–Послушай, Иегу, я хочу спасти тебя, скажи царскому наместнику, что ты отказываешься от своих слов, и он помилит тебя.

–Я не могу отказаться от того, что все люди, следующие за мной, станут новыми избранными и будут спасены.

–Но ведь это вызвало ужасное беспокойство, одни люди называют тебя богохульником, другие зовут тебя спасителем, посланником бога, бунтуют, поэтому–то наместник и приказал тебя казнить.

–Значит так суждено.

–Иегу, ты ведь один из нас, ты понимаешь какую судьбу ты нам готовишь? Из–за упрямства Ава и твоего нас уже ненавидят...

Иегу молчал.

–Послушай, – Сара тщательно выбирала слова, – вспомни чем это обернулось там, откуда нас послали сюда. Помнишь как один человек проповедовал любовь, хотел спасти все народы, а погубил свой?

Он навлек на свой народ тысячетлетние преследования, насилия, совершенные благородными рыцарями с крестами на щитах, массовые убийства лихими казаками в широких шароварах, изгнание из стран проживания, сожжение на кострах живьем, насильственное обращение в другую веру...

А потом... тысячи людей, падающих в яр под пулеметные очереди, многие еще живые и задыхающиеся под тяжестью трупов, и наконец... – газовые камеры...

Иегу плакал, слезы текли по его щекам, оставляя светлые бороздки.

–Я буду просить бога позволения сопровождать каждого, кто послан на смерть, быть в каждом эшелоне, в каждой газовой камере, я буду умирать каждый раз, когда человек моего народа умирает и приму всю его муку на себя.

Иегу упал на гнилую солому, плечи его содрогались. Сара тихо вышла.

Глава 5

Стук в дверь разбудил Сару, она медленно открыла глаза, выныривая из сумбурного тяжелого сна.

–Выходите все, все на стены! Штурм! – голоса то приближались, то удалялись.

Сара подумала, что она могла бы не выходить, какая от нее польза в бою, старуха...

Она накинула на плечи накидку и вышла. Осада храма подходила к концу, это чувствовалось по безлюдным коридорам, по которым изредка пробежали одинокие защитники, по тому как близко и сильно ударяли метательные снаряды. Она вышла на стену, да, дело шло к концу, как быстро все произошло!

После казни Иегу появились люди, верящие, что он был послан богом Икажучем.

Они создали новую священную книгу, в которую включили святыя тексты посланных и описание жизни и смерти Иегу, написанные его учениками. Таким образом заповеди стали частью священной книги новой религии.

По новой священной книге избранниками бога становились те, кто признавали Иегу посланником его.

Им была обещана милость Икажуча. Они назвали себя «иегисты».

Вначале трудно было отличить иегистов от посланных, первые иегисты были все из посланных, затем, когда иегистов стало много, они стали у власти и порвали все связи с посланными, объявив, что те виновны в смерти Иегу.

И вот теперь войска избранных штурмовали крепость посланных, окружавшую храм.

Сару потянули за рукав. Она оглянулась – это был Ав, весь седой, с запыленной бородой.

–Пошли,– сказал он, – уходим.

–Что, бросаем храм, землю обещанную Икажучем?

–Все кто может – уходят, здесь есть подземный ход.

–Значит в рассеяние, в изгнание... И что, Икажуч не вмешивается?

–Он добился своей цели, теперь те заповеди, которые он передал маленькой группе людей, входят в книги мировой религии, их будут учить миллионы.

Они уходили все дальше и дальше от горящего храма. Иегисты добивали мечами последних защитников. Икажуч не вмешивался, кого интересует судьба вестника, доставившего вверенное ему послание.

Храм горел.

«Дым», подумала Сара, «дым... как над печами Освенцима..».

NewYork, 2016

Искусство в стиле «ню»

Семинар

Жизнь в Нью-Йорке имеет свои преимущества. Одно из них – возможность брать классы в Международном Центре Фотографии. Иосиф начинал свой путь в художественной фотографии с классов по композиции именно в этом учебном заведении.

Конечно, он пришел сюда уже будучи опытным пейзажным фотографом. Все свободное от основной работы время – работы программистом – он проводил в парках, зоопарках, ботанических садах, увлеченно щелкая затвором.

Класс по композиции все поменял для Иосифа, он начал видеть сочетание форм, образующих визуальную ткань фотографии. Каждый урок начинался с разбора работ студентов, затем следовала лекция со слайдами, посвященная классикам фотоискусства.

Через пару лет, уже поучаствовав в нескольких фотовыставках и продав ряд работ, Иосиф соблазнился броским названием другого класса, тоже по композиции, но после первого же урока он понял, что попал не туда – класс был для начинающих – и позвонил в офис отменить класс. Ему любезно сообщили, что он может взять другой класс взамен. Выбор был небольшой и он остановился на семинаре под названием: «Использование осветительных средств при съемках обнаженной натуры.»

Иосиф зашел в студию и остановился – студия была огромной, залитой светом. Небольшая группа людей терялась в ее просторах.

– Прошу всех подойти сюда, – раздался голос преподавателя. – Вы будете разделены на группы по 3 человека, один человек снимает, остальные двое работают с осветительными приборами. Через 45 минут съемки модель отдыхает, затем фотографии меняются ролями.

– Следующие правила соблюдать неукоснительно: моделей руками не трогать, ближе вытянутой руки не подходить, без письменного разрешения фотографии не публиковать.

Иосиф оказался в одной группе с молодым парнем и средних лет женщиной. Парень, Рауль, был работником ООН в одной из иностранных миссий.

Моделей было несколько, молодые женщины всех цветов кожи. Переодевшись в раздевалках, они вышли в студию в длинных халатах. Одна из них, негритянка Ливия, была очень черная и очень худая, другая – белоснежная и высокая Джулия – была, как Иосиф узнал позже, актрисой Шекспировского театра.

К группе Иосифа подошла Ливия.

– Привет всем, готовы?

Не дожидаясь ответа, она сбросила с себя халат. Первое, что бросилось в глаза – это ее грудь. Круглая, красивой формы она выделялась на худом теле. Крупные, торчащие соски придавали груди какой-то дерзкий вид. Руки и ноги были

тонкие и длинные, как у подростка. И все это дополнялось красивым лицом с печальными глазами.

Рауль фотографировал первым, он предложил Ливии позировать на черном кожанном диване, больше ей указаний не потребовалось. Гибкая, как змея, она занимала разные позы, замирая в каждой на несколько секунд, давая фотографу возможность оценить позу и сфотографировать. При этом она ухитрялась выбирать такие позы, в которых ее пугающая худоба становилась незаметной, полностью затмевалась красотой ее груди и лица.

Рауль щелкал фотоаппаратом не останавливаясь, Иосиф заскучал. Он понимал, что Ливия будучи профессиональной моделью, показывала эти позы многим фотографам. Конечно целью семинара была тренировка, не индивидуальное творчество, но было не интересно. Иосиф отошел немного от дивана и тут он заметил, что фигура фотографа создает интересные визуальные сочетания с фигурой модели. Он взял в руки свой фотоаппарат, подошел поближе.

Ливия лежала на спине, ее ноги скрещены и согнуты в коленях, подтянуты к животу, голова откинута назад, одна рука вскинута к горлу, только одна обнаженная грудь видна. Рауль стоял спиной к Иосифу, подняв руки с фотоаппаратом и наклонившись вперед, его изогнутое тело повторяло изгибы тела Ливии, он напоминал хищника, готового прыгнуть на свою жертву. Так их и заснял Иосиф, щелкнув несколько раз своим фотоаппаратом. В этот же вечер он напечатал

один из кадров чтобы повесить в студии на стенде, где все фотографии вывешивали свои лучшие работы.

На следующее утро группа, в которой был Иосиф, снимала актрису Джулию в студии у большого окна. День был солнечный и восходящее солнце светило через окно, как прожектор. Джулия бесстрашно сбросила свой халат и ступила под его лучи. В большой студии стало тихо, зрелище было незабываемое.

Беспощадные лучи солнца освещали каждую складку, каждый изгиб ее тела. Коричневый ореол, окружающий соски, был припухшим и покрытым выпуклыми красными точками.

Все ее тело было чисто выбрито кроме небольшой «прически» которая переходила в крупные половые губы.

Тело актрисы выдержало испытание, беспощадный свет не выявил дефектов и обрисовал совершенную фигуру. Не подвела ее и уверенность, она царственно двигалась, меняя позы, лицо ее было спокойно, без следа смущения.

Тихо щелкали затворы фотокамер. Даже профессиональные осветители, освещавшие сотни обнаженных моделей в этой студии, вытащили свои фотоаппараты и присоединились к фотосъемке.

Семинар подходил к концу, уже, распрощавшись, ушли модели, фотографы собирали оборудование. Иосиф направился к стенду снять свой снимок с Раулем. Сзади его окликнули, это был Рауль, рядом с которым шла молодая женщи-

на.

– Иосиф, познакомься, это моя жена, пришла забрать меня с семинара. Представляешь, такая ревнивая, решила, что мы тут снимаем голых женщин, надо же такое выдумать.

Он громко засмеялся, но вдруг смех его замер. Жена смотрела на фотографию все еще висевшую над головой Иосифа.

Мария

В дверь постучали, сначала тихо, затем громче. Иосиф поспешил к дверям.

Девушка, вошедшая в квартиру, была высокой и красивой. Черные брови и ресницы, сочные губы и красивые глаза усиливали впечатление от стройной фигуры ростом 1м 80см. Это была модель, поместившая объявление на Интернетe с предложением моделировать.

– Заходите, располагайтесь, – Иосиф старался быть гостеприимным, – откуда будете?

– Из Севастополя. – она явно старалась говорить о себе поменьше.

– И чем здесь занимаетесь, кроме моделирования?

– Работаю в кино – пишу сценарии, режиссирую, делаю фотографии...

– Да вы я вижу в какой-то мере коллега, я тоже делаю фотографии.

– Догадываюсь. Какие фотографии вы делаете? – девушка казалась искренне заинтересованной.

– А вы посмотрите альбомы на столе, я пока подготавлиюсь к съемке.

На столе у Иосифа был альбом Музейной серии. Музеи давно привлекали его – сочетание архитектуры, предметов искусства и посетителей казалось ему очень фотогеничным.

– О, вы музеи снимали. Я видела интересные музейные

фотографии – люди подражающие позы рядом стоящей статуи, или зевающие перед картиной. На одном фото – очень смешном – бабушка разглядывает член на статуе голого мужчины.

Иосиф рассмеялся:

– Вы еще вспомните того фотографа, который привел модель в музей и там снимал ее обнаженной. Нет, это все штампы, которых я хотел избежать.

– А что–же вы решили снимать?

– Я решил быть оригинальным: обычно в музее люди смотрят на произведения искусства, а у меня произведения искусства глядят обратно на нас, на людей.

– Как интересно...

Eye to eye
American Museum of Natural History, New York
2009

Sculpture Garden
Metropolitan Museum, New York
2009

Марию альбом заинтересовал, но больше ее интересовала сегодняшняя работа.

– Над чем вы сегодня со мной будете работать?

– Понимаете, я задумал сделать картину.

– Так вы художник, а не фотограф?

– Я и то и другое. Я хочу делать фотокартины, вернее картины основанные на фотографии.

Мария задумалась на минуту, потом спросила:

– Вы имеете в виду фотошоп?

– Есть много способов создания картины из фотографии-

ческих элементов, – отмахнулся Иосиф, – можно напечатать картину на холсте и дорисовать маслом, можно рисовать мышкой на экране монитора, можно использовать разные программы. Главное получить интересный образ.

– А почему обнаженная натура?

– Женский портрет и обнаженная фигура всегда были традиционной темой живописи. У меня есть конкретная идея. Я вам объясню в процессе работы. Вот вам халат, идите переодевайтесь.

С полчаса они снимали стандартные позы, у нее, как Иосиф и ожидал, оказалось крепкое красивое тело, одна только деталь смутила его – ее грудь была вся в растяжках, длинные вертикальные полосы тянулись от сосков через всю грудь. После недолгого колебания он спросил:

– Растяжки от родов, кормили?

Мария рассмеялась:

– Представьте себе, нет. У меня до 16 лет совсем не было груди, потом она начала расти, да так быстро, что вся получилась в растяжках. Вам это помешает?

– Да нет, – отмахнулся Иосиф, – тут как раз фотошоп все исправит. Давайте приступим к делу. Вы знаете легенду о Пигмалионе?

– Что-то знакомое, но нет, не помню.

– Он был скульптор, который создал статую прекрасной девушки, Галатеи. Он ее полюбил и оживил поцелуем. Попробуем разыграть эту сценку, вы будете играть две роли по

очереди – сначала статую, затем скульптора.

– И скульптора тоже?

– Мы сделаем современный вариант, наш Пигмалион – женщина. Это будет лесбийский Пигмалион.

Мария оказалась хорошей моделью, перепробовав несколько поз они остановились на одной, где Мария, закинув руки за голову и закрыв глаза, изображает статую. На этом время для съемки истекло .

– Сниму скульптором другую модель, – решил Иосиф.

– Как же вы покажете ее оживление поцелуем? – спросила Мария, надевая халат.

– Тут надо будет подумать, – ответил Иосиф – найти визуальное решение, чтобы виден был переход от статуи к живой женщине. Может быть я сделаю ее покрытой мраморной коркой, которая от прикосновения Пигмалиона раскалывается, открывая женское тело.

– Интересная идея, – Мария подошла к Иосифу поближе, халат запахнулся открывая уже знакомую красивую грудь и светлые волосы между ногами. – Она только на статуе работает?

Она стояла совсем близко к Иосифу, глядя ему прямо в глаза, его рука протянулась и коснулась коротких жестких волос, скользнула между ее красивых ног, другая его рука сама поднялась и легла на ее грудь, сосок на короткое время напрягся, упираясь в его ладонь, затем расслабился.

– Нет, на мне не работает. – Она легко вздохнула. – Не

превратить вам лесбиянку в натуралку.
Она повернулась и пошла одеваться.

Вид с крыши

Иосиф встретил Сэма на остановке метро, Сэм жил неподалеку и они иногда ехали на работу вместе. Увидев Иосифа, Сэм широко по-американски улыбнулся, приветствуя его. Он считал Иосифа своим питомцем, это он сманил Иосифа со стабильной работы в солидной страховой компании

в небольшую начинающую интернетовскую компанию, куда Сэм перешел ранее из той же страховой компании. Теперь Сэм руководил всеми программистами в новой компании и был начальником Иосифа. Иосиф к Сэму относился осторожно, он помнил как их общий знакомый сказал ему о Сэме:

– Его на любой работе будут держать только до тех пор, пока не поймут, что он дурак.

Но, переучиваясь на новый язык программирования, Иосиф ценил возможность получить реальный опыт, а также хорошую зарплату, с Сэмом не конфликтовал, и Сэм считал его лояльным последователем.

– Ты уже почти 3 месяца в компании работаешь, ты понял, что мы делаем?

Когда Сэм говорил, он размахивал руками и брызгал слюной, что придавало ему вид энергичного человека. Среднего роста, полноватый, он имел типично еврейскую внешность, и как большинство американских евреев, считал себя американцем иудейского вероисповедания.

– Я знаю, что ты работаешь над своей интернетовской страницей, все очень заняты, некому объяснить новичкам что-же в конечном итоге мы делаем, – продолжал Сэм. – Мы разрабатываем систему которая генерирует вид с крыши. Все очень просто, когда в Манхэттене открывается новая компания, ей нужна быстрая связь для телефонов, компьютеров,

факсов и т.д. Компании беспроводной связи используют передающие антенны, устанавливаемые на крышах домов. Но эти антенны передают сигнал только при установке в пределах прямой видимости. Поэтому для подключения нового клиента приходится посылать людей на крыши чтоб они подобрали места для установки антенн, видимые с передающей антенны. Наша система выдаст на монитор обзор с любой крыши, так что не надо будет взбираться на крышу, что ускорит и удешевит установление связи. Здорово? – Сэм гордо посмотрел на Иосифа, как будто это была его идея и умолк. Ему было тяжело махать руками в переполненном вагоне.

– Здорово! – подтвердил Иосиф, теперь он понял почему этажом выше работали 50 художников и топографов. – Чем выше крыша, тем дальше видно.

– Тогда лучше поторопимся, в 9 часов общий сбор, босс не любит ждать.

На втором этаже было тихо и просторно, босс – высокий молодой парень лет двадцати пяти – встал со своего кресла и негромкий говорок затих.

– У меня две новости, – начал босс с известной шутки, – плохая новость заключается в том, что у нас временные проблемы с финансированием. Хорошая новость – все присутствующие в зале остаются работать в компании, все, кого здесь нет, отпущены домой. Мы уверены, что это временные

трудности, через два дня состоится демонстрация нашей системы для нашего главного заказчика. Я уверен, что демонстрация системы будет успешной и заказчик финансово поддержит нас. Тогда мы вернем всех людей обратно. Теперь идите на свои рабочие места, спокойно работайте и ни о чем не беспокойтесь.

Иосиф старался сосредоточиться на своей работе, но нижний этаж, где работали программисты, бурлил. Нижний этаж тоже понес потери – два десятка консультантов были уволены, они все еще работали, заканчивая начатые программы. Наконец Иосиф махнул рукой на работу и подошел к кучке программистов.

– Ребята, нехорошо так, давайте хоть сводим наших уволенных в ресторан, покормим на прощание.

– Ни к чему это, – вмешался стоящий неподалеку Сэм, размахивая руками. – Через пару дней они вернуться. Мне даже сказали что демонстрация системы перенесена на завтра, я ее сейчас загружаю на специально выделенный компьютер. Так что это все дело одного-двух дней.

В перерыве программисты не разбежались как обычно по своим делам, которых всегда так много в бурлящем Манхэттене, они не спеша собрались и вместе с уволенными пошли в ближайший ресторан.

Сидя за столом Иосиф рассматривал своих сотрудников. Как и во всех интернетовских компаниях программисты были молоды и талантливы. Иосиф, который начал карьеру в Америке в 40 лет, самостоятельно переучившись на программиста, уже привык работать в окружении молодых и очень работоспособных людей. Иосиф был один "русский" за столом. Он улыбнулся про себя – оказалось, что стоит еврею уехать из Союза (теперь России), как он тут же в глазах окружающих становился "русским". Конечно он и был русским по культуре, но в Союзе признавали только национальность по крови. Как в третьем рейхе.

За столом сидели китайцы, индийцы и несколько белых американцев, звучали все виды акцентов английского языка. Уволенные консультанты были спокойны, обычно в консультанты идут самые сильные и опытные программисты, они сознательно берут временную работу, потому что она выше оплачивается. У всех на уме была завтрашняя демонстрация, хотя вслух ее не упоминали, в Америке не принято говорить за столом о двух вещах: о работе и о политике.

Иосиф тоже интересовался предстоящей демонстрацией, поэтому на следующий день он попытался найти Сэма, чтобы узнать в котором часу будет представление. Сэма на этаже не было, программисты в ответ на вопросы пожимали плечами. Вскоре один из них, молодой дружелюбный китаец Вэй, сказал Иосифу, что он видел как Сэм зашел в кабинет большого босса и оттуда слышались крики.

Через час все прояснилось, оказалось что Сэм, установив систему для демонстрации, не защитил компьютер и оставил его включенным на ночь. Ночью какой-то хакер из Румынии влез в компьютер, не нашел ничего интересного и стер установленные программы – просто так, чтобы развлечься. Представители заказчика уехали ни с чем, пообещав вернуться через пару дней.

На следующий день биржа рухнула в очередной раз, заказчик понес большие финансовые потери и потерял интерес к маленькой и дерзкой компании.

Второе собрание состоялось через неделю, все программисты получили двух-недельные чеки и были уволены. Китаец Вэй возмущенно сказал Иосифу:

– Они даже не дали нам две недели отработать!

Иосифу стало смешно:

– Они же уплатили за две недели, ты можешь эти две недели другую работу искать.

Через неделю было 11-е сентября. Иосиф в тот день проснулся позже, спешить было некуда. Он сел на край кровати, включил телевизор посмотреть новости и замер не веря своим глазам. Он увидел то, что потрясло весь мир и навсегда осталось в его, Иосифа, памяти: самолеты, наполненные людьми, врезались в небоскребы, вздымая огненные облака, люди, предпочевшие длинный прыжок с горящего небоскреба мучительной смерти от огня. Сотни пожарных, пы-

тавшихся спасти людей и погибших под развалинами рухнувших небоскребов.

Через месяц Иосиф приехал в Манхэттен на "Ярмарку труда" – встречу представителей компаний с желающими найти работу. Манхэттен трудно было узнать, люди ходили в масках-фильтрах, подходы к рухнувшим небоскребам были перекрыты, пахло гарью, город производил впечатление прифронтового города. По шоссе Вест-сайд проезжали пожарные машины, возвращаясь с разборки развалин, и пешеходы, остановившись на обочине, аплодировали им.

Иосифу пришлось простоять несколько часов в очереди на "Ярмарку труда". Очередь начиналась на улице и огибала квартал. Когда он, наконец, вошел, то убедился в том, что работы не было, работники компаний просто собирали копии резюме.

Несколько ночей Иосиф снились люди, прыгающие с небоскреба. Просыпаясь в холодном поту, он понял, что единственный путь избавиться от этого кошмара это обратиться его в картину.

На эту работу ушел месяц лихорадочной работы, пока однажды, проснувшись утром, он, понял, что впервые не видел во сне летающих людей. Он подошел к законченной работе. Справа во всю высоту полотна выступал небоскреб, как бы видимый с крыши соседнего небоскреба. Рядом с ним, раскинув, руки парил человек в деловом костюме и крас-

ном галстук. Неподалеку летела крупная птица, с удивлением глядящая на парящего человека. Оба они – и человек и птица парили выше облаков, которые светились тревожным красным светом от кроваво-красного солнца.

Казалось невероятным, что человек может парить в воздухе, но стоило зрителю глянуть вниз на раскинутые тела и брошенные людьми пожарные машины, как все становилось понятно. Композицию завершал самолет, полный несчастных пассажиров, беспощадно пикирующий на небоскреб.

Картина получилась сюрреалистической, небоскреб не был похож на рухнувших близнецов, но она давала почувствовать ужас, скрывающийся за мирным парением человека, птицы и самолета – в следующее мгнове

человек рухнет вниз, а самолет пойдет в атаку на второй небоскреб.

Он назвал свою работу "Вид с крыши, приснившийся мне".

ЗАВЕТЫ

Глава 1

Утро начиналось вполне обычно. Сергей приготовил себе пару ломтей поджаренного хлеба с яйцом, чашку кофе. Кофе был неправильного цвета и запах был не тот. Приходилось довольствоваться таким кофе, после введения санкций и падения рубля доступен был только такой "импорто-заместитель". В магазине полная продавщица, нечетко выговаривающая букву "р", клялась и божилась, что кофе не уступает колумбийскому. "Жида проклятые," Сергей сплюнул от злости. "Это они со своими пиндосами ввели на нас санкции, а здесь подсовывают всякое гамно в магазине".

Он шумно хлебал кофе, косясь одним глазом на газету. За свои сорок лет он успел многое повидать: отслужил в армии, тут ему повезло – в Чечню воевать не послали, отслужил недалеко от дома, потом поменял много работ: то платили мало, то попадал под сокращения.

Последние несколько лет, правда, дела пошли лучше. Был он мужик крепкий, хорошего роста, сохранил кое-какие навыки из армейской подготовки, его и взяли на хорошую работу в спец фирму, собирающую долги.

Там он прирос к месту и неплохо зарабатывал, чему жена была очень рада, хотя и ворчала, что за такую работу могли бы платить побольше.

Он отложил в сторону газету, задержался глазами на заголовке о митинге "дальнобойщиков" и, посмотрев на дверь

спальни, где спала жена, хмыкнул. Вон люди всю жизнь мотаются за гроши, не то что он, а она все недовольна.

Зазвонил телефон, это был шеф.

– Здорово, Серега, когда своего еврейчика дождешь?

Сергей поморщился:

– Ты же знаешь каково с жидами дело иметь, он скользкий, вертится как уж на сковородке, но ничего, сегодня постараюсь добить.

Настроение было испорчено. Через час, все еще недовольно покусывая редкие усики и поглаживая бритую голову, он припарковал свой БМВ у небольшого магазина. В магазине дебелая продавщица обслуживала нескольких покупателей.

– Где хозяин? – Сергей спросил негромко, но властно.

– Дак Моисей Абрамыча уже третий день нету, домой звонили, так никто не отвечает. Настроение испортилось еще больше – не хватало еще искать должника по всему городу.

– Где ж он может быть?

– Да кто ж его знает. Но я слыхала, что многие явреи куда-то исчезли.

– Да куда им деться-то? – Сергей недовольно хмыкнул, – в Израиль хотели бы так давно бы уехали.

В офисе Сергей застал шефа, тот сидел в углу и напряженно пялился в маленький телевизор.

– Не нашел я клиента, – начал было Сергей, но шеф шикнул на него и он умолк.

– Ты слышал новость?

– Какую новость?

– Евреи исчезли!

– Жидов больше нет? Куда ж они подевались?

– Да кто ж их знает, они всегда находят куда уйти.

– А может они спрятались – сделали себе русские имена и растворились в народе, чтобы гадить исподтишка.

– Не похоже. Вот по телевизору передали, что в Израиле одни арабы остались. Все дома пустые, все оборудование на предприятиях выключено, во всех дверях ключи, авто припаркованы с ключами в зажигании...

– Вообще “уходя гасите свет”. – Сергей подумал и с завистью продолжил:

– Вот арабам-то богатство досталось...

– Да они уже начали громить.

– Кого громить? Жидов же нету...

– Все, что оставлено громят, дома сносят, заводы поджигают...

– Может боятся, что жида вернутся?

– Арабы говорят, что им этого всего не надо, они хотят жить как их предки жили.

– А наши-то жида – они где?..

Собеседники на минуту умолкли пытаюсь привыкнуть новой реальности. Первый заговорил Сергей:

– То-то мой клиент пропал... как же без евреев-то будем, Степаныч? Умный народ да еще мало пьющий.

Ответить Степаныч не успел. Вдруг что-то щелкнуло и от-

куда-то зазвучал низкий ровный голос:

"Слушайте народы мои, это говорит ваш Создатель, тот кого вы зовете Яхве, Христос, Аллах или Будда. Я хочу сообщить вам свое решение. Я решил убрать от вас племя Иудейское. Более трех тысяч лет подвергалось оно преследованиям, стараясь выполнить мое задание – передать людям мои заповеди, вызвав при этом всеобщую ненависть.

Их ненавидят даже те народы, которые никогда евреев не видели. Их ненавидят те народы, среди которых иудеи жили веками и обогатили их культуру и экономику дав им писателей и художников, артистов и поэтов, банкиров и предпринимателей. Я их поместил в лучшее место, где они будут жить в мире.

Теперь мне нужен другой избранный народ, преданный мне, которому я передам свои новые заповеди. Я подумаю и вскоре сообщу свое решение. "

Голос умолк, стало тихо. Сергей неуверенно спросил:

– Это что было – спектакль по радио?

Он посмотрел на маленький радиоприемник, стоящий на тумбочке, подошел, проверил. Приемник был выключен.

– Какой там спектакль, – Степаныч глядел на стеклянную дверь ведущую в коридор, откуда доносился нарастающий шум голосов.

– Похоже они тоже это слышали.

Он посмотрел на телевизор, диктор взволнованно читал уже знакомый им текст. Вскоре начали поступать сообщения

с разных концов мира, выяснилось, что голос слышали везде, причем все утверждали, что голос говорил на их родном языке. Было ясно, что мир вступил в новую эру.

Глава 2

Сергей проснулся еще до звонка будильника и сразу вскочил. Жена мирно храпела, выставив из под одеяла голый круглый зад. Он взял ее за плечо, потряс. Она недовольно потянулась, бормоча:

– Куды в такую рань, не успеешь своих жидов почистить?

– Ты что говоришь, дура! Как можно такое говорить про божьих людей?

Жена мигом проснулась, вскочила с постели, подошла к иконе, висящей в углу и быстро и мелко стала креститься:

– Прости, господи, грешницу окаянную, со сна я, не хотела...

– Давай собирайся, в церковь идем, – Сергей включил телевизор. Показывали рекламу:

"Дорогой, ты перевел все наши деньги церкви?"

"Да любимая, все сбережения."

"А наша квартира?"

"После нас отойдет к церкви".

"Что-то ещё мы забыли..."

"На машине уже святой отец ездит, на даче теперь монастырская пасека. Что ещё могли забыть?"

"Знаю! Ломай копилку!"

Раздается детский плач: "Это мое!"

Голос матери: "Это все Божье, сынок, а мы будем Божьи ИЗБРАННИКИ!".

Церковь была переполнена. Прошел год с тех пор как слышен был голос бога, весь мир стал богомольным. Церкви, мечети и храмы переполнились молящимися.

Правда не все, католическая церковь пострадала. Прихожане помнили как 2 тысячи лет она преследовала евреев и католические церкви опустели и закрылись.

Сергей зашел в церковь, сел рядом с женой. Как обычно, вблизи сидели бабки, которые обсуждали последние новости. Сергей не прислушивался, после того, как заселили опустевшие еврейские квартиры и поделили оставшиеся бесхозными магазины и мастерские (крупную собственность делили наверху, втихую), новости перестали его интересовать. Поп, молодой парень, каких сейчас стало много – молодежь бросилась в религию, говорил громко, но монотонно, и Сергея потянуло на сон. Он тряхнул головой и невольно прислушался к соседкам:

– Слышь, Антоновна, я вчера с дьяком говорила, он уверяет, что нас должен выбрать Господь, сейчас католиков нету, наша церковь самая старая, самая истинная.

– А как быть с тем, что мы жи..., прости господи, евреев, громили?

– Дак хто ж теперь это помнит, а если что, то замолим. Чай мы не стреляли их как украинцы и прибалты в войну.

Мы вера истинная, старинная, Царьградская.

Сергей расстался с женой после молебна. Обоим надо было на работу. Сергей работал в той же компании, Делал ту же работу. Сегодняшний клиент был невзрачный мужичок с бегающими глазами. Увидев Сергея он замер на секунду, затем встрепенулся и подбежал к Сергею:

– Здравствуйте, Сергей Никанорыч. Как изволите здравствовать?

– Да вот должок за тобой, Михалыч.

– Есть такое дело, виноват.

– Чего ж не отдаешь?

– Не с чего, батюшка, не с чего. Это все санкции, совсем задавили проклятые. Ходовые товары взять негде, да и рубль обесценился, никакой жизни не стало.

– Торгуй местными товарами, делай импортозамещение.

– Так не хотят покупать, Сергей Никанорыч. На днях завез партию костюмов с местной фабрики так покупатели чуть ли не плевались. Говорят – ты бы еще телогрейки завез!

Сергей помолчал. В прежние времена он бы давно выжал бы с него деньги. Но сейчас было стремно, Бог все видит, да и новых Заветов еще нет, может дать должнику в морду стало уже грехом.

– Ты, Михалыч, хоть бы часть отдал, совесть поимей.

– Да я бы с удовольствием, да не с чего. Сергей Никанорыч, может с товаров чего-нибудь в счет долга возьмете? Водочку неплохую имеем.

– Ты что, Михалыч, я что – твою водку клиенту вместо денег принесу?

– А не возьмет, то себе оставите.

Сергей на минуту задумался, затем опомнился:

– Ты что такое говоришь, прошло то время, Бог он все видит.

– Мало ли что он видит. Видит да не вмешивается, вон евреев его две тыщи лет гоняли как сидоровых коз, до газовых камер догоняли – и что? да ничего, он не вмешивался. Так что не бойсь, прорвемся.

Сергей шел мимо закрывшихся магазинов и ларьков по малолюдной улице. Лица немногочисленных прохожих были угрюмы и замкнуты.

– Да, лихое время, – подумал он, – всем тяжело, вон как нас зажали. Никто с нами не торгует, все нас ненавидят.

Шеф, как всегда, сидел за своим столом, просматривая какие-то бумаги, изредка поглядывая на экран телевизора, стоявшего в углу комнаты. Увидев входящего Сергея он с надеждой взглянул на него и все поняв, опустил голову.

– Плохо, по тебе видно. Клиентов много, но денег не выколотишь.

– Прости, шеф, я уж и так, и этак – нет денег, говорят, санкции задавили. Пока они не закончатся – продыху не будет.

– Да где там “закончатся”, все только начинается. Помнишь хазар?

– На которых какой-то киевский князь набеги совершал?

– Точно. Были такие степные кочевники, принявшие иудейскую веру. Так вот сейчас решили, что они были тоже избранный народ, посланный Богом в приволжскую степь, чтобы передать Божьи заповеди нашим предкам, а те возьми да перебей их всех.

Теперь киевских славян прозвали “хазаробойцы” и говорят что кровь хазар падает на наши головы, головы потомков и мы народ “хазаробойцев”.

– Кто это говорит?

– Ты же знаешь, что все христиане, кроме русских православных, объединились под эгидой “Всемирной христианской церкви”, (ВХЦ).

– Ну да.

– Там очень активна немецкая секция, у них работает трибунал по расследованию преступлений Киевской Руси против хазар, он заседает в Нюрнберге. Так вот их проповедники на каждом углу призывают наказать нас, прервать с нами все связи.

– Да, дела.

– Даже наш Президент не знает как отбелиться, он уже Крым предлагал вернуть Украине, так представь себе, она отказалась, заявила, что не хочет оскверненную “хазаробойцами” землю и быстро присоединилась к ВХЦ. И к тому же вставила шести-конечную звезду в свой герб.

– Да... Как будто киевские князья не были наши общие

предки. А что мусульмане говорят?

– Они вначале превратили Израиль в песчаную пустыню в центре которой оазис, окружающий мечеть с золотым куполом, потом сделали то же со всеми арабскими странами, прихватив Турцию и Иран.

Теперь они взялись за нас, называют нас зверями и говорят, что наша кровь это кровь собак.

– Да, со всех сторон обложили. Как ты думаешь – почему мы? Мы ведь не вырезали евреев, как казаки Хмельницкого, не стреляли их, как петлюровцы, не казнили, как украинские полицаи и латыши с эстонцами?

– Ты пойми – евреи это не народ, это роль.

Это как хилый очкарик-отличник, над которым в школе все издеваются и бьют. Евреями или становятся добровольно, как прежние евреи сделали, или на эту роль опускают, как сейчас делают с нами.

Все для нас началось с политики, которая привела нас к изоляции, а дальше все на нас и набросились. Кто-то же должен быть евреем – тупым и хитрым, ленивым и трусливым, презренным и грязным, агрессивным и жестоким. Кто-то кому можно приписать свои недостатки, винить во всех бедах, презирать и ненавидеть, повышая собственное самомнение, а при случае убивать и насиловать – они ведь это заслужили.

Сергей ухмыльнулся:

– Все-таки они надеются стать избранным народом, показать Богу, что они лучше нас .

– А как ты думаешь – мы сами-то хотим стать избранным народом?

– Да я и не знаю – стоит ли?

– Гляди что с прежними евреями делали. И что они с этого имели? Шиш. Удивительно, что евреи, известные, как умелые коммерсанты, не выторговали лучшей сделки. Видно с Богом особо не поторгуешься. Так что я думаю, что нам это даром не надо, но кто меня спрашивает?

Глава 3

Сергей наклонился над колыбелькой дочери и горестно замер. Жар, идущий от маленького тельца чувствовался на расстоянии. Болезнь называлась “собачий грипп”, ранее это был вирус от которого болели только собаки, недавно он мутировал и от него стали болеть люди, болеть и умирать, смертность достигала 77%, лекарства от него не было, не было и прививки.

В России этой болезни до сих пор не было – сказалось отсутствие связей с окружающим миром. И надо же чтоб именно его дочь где-то подхватила эту заразу. Как все поздние отцы, Сергей обожал свою дочку, и теперь пытался спасти ее, невзирая на опасность заразиться самому.

Сергей достал пульт, включил телевизор. Показывали зарубежную хронику – города, опустошенные собачьим гриппом, безлюдные улицы, переполненные больницы. Голос диктора перекрывался скороговоркой переводчика: "...но-

вая чума, занесённая к нам, как в средние века, опустошила наши города... объединимся же все в крестовом походе против хазаробойцев, врагов Господних..."

Зазвонил телефон, это был его бывший шеф. – Привет, Степаныч, – сказал Сергей, держа одной рукой трубку, в другой руке у него был ртутный термометр, показывающий температуру 39.5.

– Сергей! – голос в трубке звучал испуганно. – ты смотришь первый канал?

– Сейчас включу.

Из телевизора раздался напряженный голос диктора:

“Правительство Российской Федерации с возмущением отвергает очередной навет Запада о разработке и производстве вируса собачьего гриппа в лабораториях Российской Федерации. В ответ на ядерный шантаж мы ответим всем нашим ядерным арсеналом.”

– Что, война?

– Какая там нахрен война, когда Сибирь откололась мы потеряли половину ядерного арсенала. А вторая половина в нерабочем состоянии. Беги, спасайся.

– Куда бежать, везде нас ненавидят, здесь мой дом, здесь я и умру.

Сергей повесил трубку.

Глава 4

На улице была ранняя весна. Сергей, вышедший во двор

вынести мусор в одной рубашке, зябко поежился и ускорил шаг. Счетчик Гейгера в нагрудном кармане затрещал чаще, но Сергей проигнорировал его. Ядерная боеголовка упала в десяти километрах отсюда, там радиация была хуже.

Подходя к мусорному баку он замедлил шаг, знакомый бак сегодня выглядел необычно, присмотревшись он понял – бак светился изнутри золотым огнем. В нерешительности он остановился в двух шагах от бака, не зная, что делать. Внезапно он услышал знакомый голос:

– Подойди поближе, Сергей, я хочу вручить тебе новые заповеди.

– Почему мне?– удивился Сергей – почему не Президенту или главе РПЦ?

– Я всегда имел дело с простыми людьми, такими как Авраам, Моисей, а не с их царями. Вот тебе новые заповеди. Я избрал тебя пророком, который понесет мои заповеди вначале своему народу, а затем всему миру.

– Господи, а что нам за это будет?

– Рассеяние, гонения, геноцид, всеобщая ненависть от людей и моя любовь.

Небольшой свиток выплыл из огня и лег в его руку. Свечение медленно угасло. Держа драгоценный свиток и тупо повторяя про себя "Мы теперь избранный народ" Сергей бежал домой.

Забежав в подъезд, скудно освещенный тусклой лампочкой, качающейся на голом проводе он нетерпеливо развер-

нул свиток и прочитал:

Новые Заветы

1. Не пьянствуй
2. Не скернословь
3. Чти ближнего своего
4. ...

Дальше он читать не стал, рассеянно уронил свиток и, влоча забытое ведро с мусором, поплелся домой.

Записки дилетанта или Мысли вслух.

Евреи избранны? На что?

Когда Бог создавал человека, он явно имел на уме какую-то цель. Мы не можем знать, что он ожидал от людей. Что мы знаем достоверно это то, что он был своим созданием недоволен настолько, что решил начать все сначала и утопил всех людей, а заодно и зверей, во Всемирном потопе. Общество состоящее из злобных людей, склонных к насилию и разврату, не устраивало Создателя.

Возможно Бог решил что виновата плохая генетика – ведь Ева была преступницей в его глазах. Поэтому он решил новых людей расплодить от праведника – Ноя.

Видно генетика уже тогда была лже-наука и ничего хорошего из этого не вышло. Люди опять погрязли в грехах, как будто никакого потопы не было. Создатель очевидно понял свои ошибки тоже – ведь люди ничего не знали о Нем, не знали что такое грех, не знали о грядущем наказании. Нака-

зывать людей было все равно, что наказывать собаку.

К тому же Ему, надеюсь, стало жалко людей. Пережив гибель миллионов людей, тонущих в муках, Он решил больше такого не повторять.

Какой же у Него был выход? Как превратить человеческое стадо насильников, завистников и развратников в хороших людей – например, в либеральных американцев и европейцев, с улыбкой на лице принимающих ближне-восточных "беженцев" и мексиканских нелегалов и выплачивающих им социальные пособия?

Конечно Бог может все, он может приказать людям и они подчинятся, но как же быть со свободой воли, лишение ее превратит человека в марионетку.

Творец решил действовать окольными путями, решая вечно актуальную задачу создания нового человека. Он решил создать группу людей через которых медленно и незаметно Он будет воспитывать все человечество. Заметьте что он не выбрал народ, народ избранных был создан Богом, произведшим его от праотца которого сам же Бог и выбрал – Авраамом, доказавшим свою преданность Творцу.

Когда народ вырос числом, он был выведен из Египта и с помощью Моисея получил заповеди от Бога. И вот тут намерения создателя раскрылись, анализируя Заповеди, мы можем придти к предположениям о том, что Бог ожидал от людей. Заповеди состоят из двух "разделов" :

1. Требование признания Единного Бога

2. Моральные требования: чти родителей, не убивай, не воруй, не завидууй, не лги и т.д.

Из чего следует, что Бог хотел создать общество гуманных людей, честных и доброжелательных.

Далее Бог поселяет иудеев в земле Каанан, лежащей на перекрестке дорог между мировыми империями. Какое место может быть лучше для распространения веры?

Создатель дал иудеям срок для укрепления в своей вере. Еврейское государство его не интересовало, оно даже мешало Его планам, поэтому после Соломона единое государство распалось и было заменено двумя более мелкими, часто враждующими странами.

Через 300 лет евреи подверглись первому испытанию на выживание в рассеянии. Ассирийцы покорили северное царство Израиль и переселили всех иудеев в Ассирию.

Тест провалился – иудеи ассимилировались. Причина была в том что жизнь иудеев была связана с храмом, и, потеряв в изгнании доступ к храму, они потеряли религию.

Тогда эксперимент был повторен, вавилоняне разрушили храм и изгнали племя Иуды из южного царства. На этот раз иудеи создали письменную версию своей священной книги, которая помогла им сохраниться как народ и вскоре вернуться на родину и восстановить Храм.

Но цель Творца не была сохранение Иудеи и Храма, Цель была рассеять иудеев по миру, как семена, несущие Законы Божьи. Римляне разрушают Храм и рассеивают иудеев по

миру. Иудеи успевают сделать две вещи: перевести религию на книжную основу и создать христианство.

Маленькая академия в Явне, созданная в дни разрушения Второго Храма, заменила Храм на Книгу, создав тем самым предпосылки для выживания иудейской религии в рассеянии и разнесение знания о Боге ко всем народам на их пути.

Созданием же христианства иудеи распространили знание о Едином Боге и Его заповедях по всей земле. Создание Ислама завершило этот процесс.

И хотя все религии проходили через мрачные времена массовых убийств во имя Бога, находя оправдания для нарушения заповеди «Не убий», человечество сейчас намного более цивилизованно и гуманно, чем 3000 лет назад.

Золотое детство .

Нас учили с детства, что нет хороших и плохих народов – есть хорошие и плохие люди, народы же все одинаковы. Правда были небольшие исключения к которым одни люди относили евреев, другие – чукчей или армян, что и доказывалось соответствующими анекдотами.

За свои 60 с лишним лет, прожив почти половину жизни в старом добром СССР и другую половину в Америке, я убедился что это не так – существуют черты характера свойственные большинству людей и, несмотря на разброс качеств от человека к человеку, сумма этих качеств придает разным народам разный характер, создавая народы творческие или

книжники, законники или завоеватели и т.п. Причем характер народа может меняться в зависимости от исторической ситуации.

Здесь я буду говорить о народах наиболее мне знакомых – российском и американском, увиденных глазами человека, жившего среди этих народов и любящего их.

В Америке русских узнают с виду. Молодых и старых, только приехавших и старожилов, одетых во все американское или в одежду, привезенной еще оттуда. Тяжело опознать только приехавших в раннем детстве или родившихся здесь. Какую-то печать оставляет наша прежняя страна, печать, которая остается с нами навсегда.

После долгих размышлений я полагаю что главное отличие – отсутствие чувства внутреннего комфорта. Я полагаю что русских узнают по смиренным глазам. Даже когда они смотрят нагло всегда чувствуется готовность смириться, подчиниться более сильному.

Откуда это берется? Я не хочу повторять рассуждения о монгольском наследии, не буду вспоминать о крепостном праве, или о том, что в то время, когда Россия собирала земли из под татар, отбивалась от лже-царевичей и т.п., в Европе было время Возрождения.

То о чем я хочу говорить вытекает из всего вышеупомянутого хотя прямой связи нет.

Я назвал это так: Подавление младенцев.

Подавление Младенцев.

Рождается новый человек. Утомленная мама передает ребенка няне и откидывается на подушку.

Няня подхватывает ребенка и ласково улюлюкая выносит его из палаты и несет в палату для только что рожденных куда имеет доступ только медперсонал. Здесь ребенка кладут в кроватку, где он и пролежит пока не придет время очередной кормежки.

Все это время он будет в основном предоставлен сам себе, он может орать, требуя сухие пелёнки, еды и чего-то там ещё известное только ему. Медперсонал занят и малочислен, родственников в роддом не допускают, ребенок, прокричав без результата, начинает чувствовать, что дела плохи, надо смириться и ждать.

Так закладываются первый опыт неуверенности в себе в детскую психику. Я описываю это исходя из советского опыта.

В Америке моя невестка после родов имела детей в своей палате и младенец, окруженный счастливой родней, включающей гордого отца и сюсюкающих бабушек и дедушек, начал чувствовать, что ему кажется очень повезло и он неплохо попал.

Я глубоко убежден что основы детской психики закладывается с ранних дней и психологические травмы времен младенчества влияют на последующую жизнь.

Некоторые религии делают младенцам обрезание. Счита-

ется что дети ничего не помнят о первых днях жизни. Но может быть это и есть одна из причин по которым евреи смотрят на мир печальными глазами.

Подобная тенденция наблюдается в последующие годы жизни ребенка. В американской семье родители стараются оберечь младенца от моральных травм – его таскают на руках, не дают плакать, потакают ему сколько можно или сколько сил хватает.

Отсюда нежелание приучать к горшку – ребенку терпеливо меняют одноразовые прокладки, пока он не вырастет настолько, что сам попросится на горшок. И с ребенком разговаривают – нормальным голосом, много улыбок, читают книги с 2-3 месяцев.

Все это очень отличается от обычной российской семьи, как я её помню. Когда мы с Наташей создали семью в 1976 году в Волгограде, мы принесли с собой семейный уклад наших семей – я был из еврейской семьи с Украины, она из русско-белорусской семьи из Волгограда. При всей культурной разнице мы соглашались, что детей надо держать в строгости не то избалуются и на голову сядут. Поплачет и перестанет.

Мы и не могли особенно носить их на руках – я был инженером, обеспечивал семью мизерной инженерской зарплатой, ехал 2 часа в один конец на работу. Наташе досталась стирка, приготовление еды, что в квартире, которой мы называли рентованный подвал с удобствами на улице, было большой работой. Так что в том подвале часто раздавался

крик младенца, когда мать была занята.

Так же было и в других советских семьях. Вряд ли укрепляло психическое здоровье детей посещение яслей, которое стало необходимым, когда ребёнку исполнился годик и матери пришлось вернуться на работу. Вечером, когда мы забирали ребёнка, нам вручали две пары мокрых колготок, всего две пары, но очень мокрые. Можно представить сколько плакала наша чистоплотная дочка привыкшая к сухим колготкам. Впрочем она выдержала только два дня – затем она серьезно заболела.

Нам пора двигаться дальше и перейти к обсуждению школы. Американская и советская школы отличаются коренным образом. В то время, когда русская школа ставит своей целью дать определённый уровень знаний и патриотизма детям, американская школа старается в первую очередь вырастить активных людей, уверенных в себе.

В американской школе детям не надо вставать, когда учитель входит в класс, ученикам не надо поднимать руку, чтобы получить разрешение что-то сказать, по звонку класс разбегается, не дожидаясь разрешения учителя. То есть отсутствуют ритуалы регулярного указывания ребенку на его место, по-другому говоря, распускают и балуют детей.

Особое внимание уделяется воспитанию гражданской активности и способности вести за собой. Дети участвуют в работе кружков и организаций, часто преследуя общественно значимые цели. Они также участвуют в школьных выборах

кампаниях, вырабатывая умение нравиться людям, вести их за собой. Способности к лидерству очень ценятся при приеме в высшее учебное заведение и на работу.

Что же получается из этих балованных детей? Наверное самовлюбленные эгоисты? На самом деле получаются шумные, громкоголосые, уверенные в себе, очень славные люди.

Здесь я бы хотел остановиться на минуту и обсудить следующий вопрос: кто добрее к другим людям: познавший горе, повидавший бед человек или же беспечно порхающий по жизни человек, всем обеспеченный и с детства окружённый любовью?

В Союзе мы привыкли считать что тот, кто горя хлебнул – тот понимает чужую беду, сочувствует другим людям. На самом деле мы были готовы давить друг друга в автобусах, проходили мимо людей, лежащих на улице – то ли пьяных, то ли больных.

Здесь в Америке я с огромным удивлением убедился что американцы, горя не знавшие и серьезных лишений никогда не испытывавшие, ведут себя не так как ожидалось.

Нас – эмигрантов – поддерживали благотворительные фонды, финансируемые пожертвованиями частных граждан. Я видел старушек-добровольцев, помогающих тяжело– больным в больницах, религиозных евреев, купивших на пожертвования общины полностью оборудованные машины скорой помощи и доставляющих людей в больницы, причем не только евреев, а любого кто их вызовет.

Я читал о добровольцах, обучающих в школах для проблемных детей, добровольных пожарные командах и т.д.

Похоже, что обеспеченная жизнь и бережное отношение к детям производят активных, уверенных в себе людей, готовых помочь другим людям.

О жизни, Вселенной и всем остальном.

Согласно некоторым источникам Человек создан по образу Творца.

И действительно – человек подобен Творцу уже хотя бы тем, что он тоже может создать человека, другого человека. Правда при этом он пользуется совсем другим способом – более простым и приятным. Хотя неизвестно что проще – Богу создать человека взмахом руки или мужчине убедить женщину заняться сексом.

Но тут возникает обратный вопрос: Если человек похож на Бога, то вероятно что Бог имеет тоже половые органы, а ему то они зачем? Производить других богов?

Но шутки сторону, при всех достижениях человеческой цивилизации продукты рук человеческих не в состоянии самовоспроизводиться, какими гениальными они бы не были. Окружающее нас биосфера является не только сложнейшей биохимической системой – но еще и самовоспроизводящейся, что выводит ее на еще более высокий уровень сложности.

Я не собираюсь отрицать теорию эволюции, наоборот я вполне готов отдать ей должное, но я хочу сделать к ней ма-

ленькую поправку: переименовать ее в "Законы эволюции" и включить в нее все законы эволюции неживой материи.

Да, неживая материя проходит свою эволюцию, происходят явления космического масштаба, такие, как взрыв сгустков энергии, образование новых звезд и планет. Происходят также явления местного масштаба – вулканы взрываются, реки меняют русла, материки движутся и т.д. Все эти явления не требуют сверхъестественных объяснений, земная наука может или сможет объяснить их.

Что касается органической жизни то тут совсем другая история. Даже одна живая клетка является сложнейшим объектом который никак не мог возникнуть сам по себе в результате эволюции. Тем более сложные живые существа. Достижения современной науки, открытие ДНК не оставляют сомнений в том, что жизнь не могла возникнуть сама по себе.

Мы знаем достоверно что 100 мил лет назад динозавры внезапно вымерли. При их жизни они не давали развиваться другим видам – они пожирали все, что превышало размером нашу кошку.

Полагают, что затем существа размером с кошку развились в первобытных людей, появление которых достоверно датируются 2 млн лет назад.

Считая в среднем длительность жизни 10 лет мы получим что 10 млн поколений потребовалось из условной кошки развить условную обезьяну.

Затем за 1.5 млн лет из первобытной обезьяны развился человек. Считая 20 лет среднюю продолжительность жизни, получаем что за 75 тыс поколений развился человек.

Но где все эти поколения? Земля должна быть усеяна останками существ на разных ступенях развития, но их нет.

Современный человек живет на земле 150 тыс лет и за эти годы не изменился ничуть. Тот же размер мозга, что был у древних шумеров, имеется и у наших современников.

Давайте на минуту задумаемся – как должна работать эволюция и природный отбор: в направлении улучшения выживаемости, не так ли? Что же тогда подвигнуло наших предков потерять когти, клыки, шерсть? Разве это не движение в обратную сторону, в сторону большей уязвимости? Более логично предположить что результатом эволюции должны были бы получиться существа с большими зубами, когтями и толстой кожей, то есть как динозавры.

По моему тут что-то не сходится и теория Дарвина не более чем шаткая гипотеза.

Вот еще одно соображение против эволюции. Все люди запрограммированы со страхом смерти, это логично: особи без такого страха погибают скорее чем те кто цепляется за жизнь из последних сил. Но представьте себе что смерть грозит ребенку, любой родитель, забыв о себе, будет спасать ребенка. Но где же тут эволюция – ведь такие родители имеют меньше шансов выжить чем те кто не спасает детей, за многие тысячи лет естественного отбора они должны были

вымереть, т.е. нынешние родители не должны подставляться за детей, но это не так.

Наш опыт говорит о том, что материя предоставленная сама себе гниет, покрывается пылью, гибнет. Энтропия приводит только к хаосу и распаду.

Кто же нас создал?.. Мы ничего достоверно не знаем об этом, но мы можем попытаться сопоставить косвенные факты доступные нам.

Во-первых мы можем освободить Творца от части приписываемой ему работы. Неживая природа, образующая мир в котором мы живём, вполне могла быть создана природными явлениями, какими-то катаклизмами, в результате которых образовалась планеты укутанные газовой атмосферой и покрытые океанами. Для этого не требуется ничего сверхъестественного, во время своей короткой жизни человечество наблюдало не раз природные катаклизмы в результате которых реки меняли своих русла, моря осушалась, ледники на двигались и отступали. Дадим должное природе – не так уж она беспомощна.

Что касается живой природы, очевидно, что она создана Творцом высокой квалификации.

Мы уже не говорим о создании вселенной, мы говорим о создании биосферы на отдельной взятой планете. У нас до сих пор нет свидетельств о существовании жизни на других планетах. Поэтому мы с полным основанием на основе данных сегодняшней науки можем обсуждать чудо творение

жизни на одной отдельно взятой планете.

Как мы видим картина создания мира упрощается. Отдав создание неживой природы в руки самой природы и ограничив живую природу одной планетой, мы пришли к задаче посильной даже нашей современной цивилизация. Какая-нибудь космическая экспедиция, обнаружив незаселённую планету, может легко заселить её используя образцы жизни, привезённые с родной планеты. Конечно тогда возникает вопрос – а кто заселил их планету? на который нет лёгкого ответа.

Согласно данным науки существа с анатомией, идентичной анатомии современных людей, появились в Африке 130,000 лет назад. Они не были разумны, но выглядели, как мы с вами. И только 40 тыс лет назад, судя по датировке наскальных рисунков и заточенных кончиков копий, они обрели интеллект. Причем сделали это очень быстро, т.к. самые ранние находки датируются очень узким интервалом времени от находок эпохи неразумных существ, вот были обезьяны и вдруг стали людьми.

Это абсолютно достоверно, доказано наукой и очень загадочно. Что толкнуло человекоподобных отказаться от такой нужной шерсти, клыков и когтей, выпрямиться и ходить на 2-х ногах, и так жить 90 тыс лет, и вдруг приобрести интеллект – теории эволюции этого никогда не объяснить.

Я хотел бы отметить, что земная биосфера создана так, что она может функционировать без постороннего вмеша-

тельства, то есть так, чтобы Творцу не приходилось вмешиваться, что он и делает.

Все это очень похоже на научный эксперимент. В каждом научном эксперименте создается изолированная среда, затем ученые вводят контролируемые изменения, регистрируют результаты. При необходимости среда воссоздается, вносятся другие изменения и эксперимент повторяется.

Это очень похоже на историю Земли.

На безжизненной планете создается замкнутая биосфера и исследователи наблюдают куда развитие приведёт. Когда развитие свелось к доминированию динозавров, исследователям это не понравилось и они уничтожили их, чтобы начать заново.

Позднее они сделали изменения в мозгу группы человекообразных животных, превратив их в разумные существа.

Результат первой попытки создания человеческой цивилизации им не понравился и они решили начать все сначала, утопив всех людей.

Вполне возможно, что наша цивилизация, погрязшая в войнах, религиозном фанатизме и уничтожающая окружающую среду им не нравится тоже и они решат уничтожить её в ядерной войне или каким-нибудь другим способом, чтобы дать шанс другому виду живых существ, которые пока лазают по деревьям.

Кто же они эти ученые-экспериментаторы?

Очевидно, что это существа овладевшие временем и рас-

стоянием, возможно совсем непохожие на нас и непостижимые для нашего мозга. Может быть это одно существо, какая-нибудь мыслящая звезда, в которой слились мирриады живых существ, создав сверх-существо, по всем критериям Бога.

О жизни и смерти.

Смерть заключает в себе самый большой парадокс нашей жизни: её никому не избежать, и ничего мы не желаем избежать так сильно как смерть. Все люди жившие на земле до нас – герои и цари, гении и воины, рыцари и палачи – они все мертвы.

Со смертью связана самая большая загадка – исчезнем ли мы навсегда или предстанем перед Творцом.

Тысячелетиями священные книги, мудрецы пытались дать ответы занимающие толстые тома. А может разгадка лежит где-то на поверхности, смотрит нам в глаза и ухмыляется?

Человечество имеет дело со смертью с древнейших времен. Было всем известно, что если человека проткнуть каким-либо острым предметом, то он поломается, перестанет двигаться, отвечать и вскоре начнет разлагаться. Его уже нет, он ушел. В том, что осталось, его нет.

Смерть была и остается естественной частью жизни. Смерть необходима, она освобождает от диктаторов, прекращает муки безнадежно больных, она открывает дорогу мо-

ЛОДЫМ.

Что нас ждет после смерти? И что более важно – что бы мы хотели после смерти? Хотим ли мы сохранить нашу личность в форме бестелесной и вечной души? Очень соблазнительно, но очень опасно. При вечной жизни есть также угроза вечных мук и не сможет милосердная смерть освободить страдальца от них. Мечта о загробной жизни это на самом деле тайная мечта человека приблизится к Творцу, стать мини-богом. Ведь люди мечтают жить на небесах, жить вечно, наблюдая сверху простых людей.

Но даже если мы и станем полубогами, мы будем жить в обществе таких же как мы, а значит опять появятся диктаторы, преступники и палачи. Вы скажете: "Творец не допустит такого!"

Но он уже допустил! Во что превратили райскую Землю души в телесной оболочке? Что их остановит теперь, когда они полубоги?

Конечно все будет по-другому, например антисемитам всех мастей станет невозможным убивать иудеев, но они найдут выход. Например загонят их бессмертные души в крематорий и будут жечь их вечно. Не будет же Творец нарушать свой принцип невмешательства, которого он придерживается последние 2-3 тысячи лет.

Так что, как видите, вечное забытие после смерти не самое плохое, что может случиться.

Более того оно знакомо каждому из нас. Да-да мы уже там

были, вспомните что было до нашего рождения. Было необытие, был покой. Мы пропустили войны, массовые убийства, пытки, лишения, голод, Холокост.

Мы с удовольствием также пропустим взрыв атомной бомбы в Нью-Йорке будущего, 3-ю мировую войну, создание Европейского Халифата и многое другое.

Человек создан со страхом смерти и неутолимой жадной жизни. Это явно запрограммировано Творцом во всех живых существах. Человек яростно борется за жизнь, даже потеряв всякую надежду.

Страх смерти у человека усугубляется страхом перед предсмертными страданиями. Я не встречал нигде статистики сколько людей страдает в процессе умирания, не думаю, что кто-то исследовал этот вопрос, но мне вспоминается один фантастический рассказ.

В нем люди научились мгновенно преодолевать огромные расстояния раскладывая тело на крошечные частицы и передавая на далекую звезду код этих частиц. На месте назначения по этому коду воссоздавалось тело взамен старого уничтоженного на станции отправления. Путешественник помнил как он вошел на станцию отправления и тут же оказался на далекой звезде.

Загвоздка была в том что перед отправкой тело должно было сканироваться, причем во время процедуры тело должно оставаться полностью неподвижным, т.е. даже не дышать.

В пассажира вводили парализующее вещество, быстро

сканировали мозг а потом, когда появлялся эффект асфиксии, продолжали сканировать агонизирующее тело. Человек умирал в муках но та копия что появлялась на дальней звезде этого не помнила потому что голова сканировалась первой до наступления удушья.

Я вспомнил этот сюжет потому что мне кажется он говорит о том, что происходит с нами, люди умирают в муках и уносят эту память с собой. Оставшиеся в живых этого не знают, пока не придет их черед.

Очень жаль, что этот вопрос совершенно не исследован наукой, в отличие от секса.

Конечно есть праведники, которые умирают во сне. Но сколько их – тех праведников, человек сотворен слишком крепко, слишком любит жизнь чтоб уйти из жизни без отчаянной борьбы как на сознательном уровне, так и на уровне отдельных органов которые все еще цепляются за жизнь даже когда хозяин их уже сдался и мечтает о смерти.

И здесь я бы хотел спросить:

– Где же твой гуманизм, о Создатель? Мы, люди, усыпляем умирающих кошек и собак, а Ты позволяешь людям умирать в муках?

Некоторые люди решают закончить свою жизнь, узнав что имеют смертельную болезнь, по моему мнению это вполне уважительная причина, человек имеет право уйти с достоинством пока он не превратился в обезумевшее от боли существо, мечтающее о смерти, как об избавлении. Я не считаю

уважительной причиной безответную любовь, потерю денег или близкого человека и многое другое, отчего люди кончают жизнь. Но неизбежную мучительную смерть люди имеют право заменить на милосердный конец.

Вежливость по-американски

Жизнь бывает очень сложной и запутанной. С детства нас учили волшебному слову “Спасибо”. Но никто не учил нас держать дверь открытой для незнакомца в метро, или говорить “Извините”, проходя мимо человека, берущего товар с полки магазина.

Приехав в Америку я был ошеломлен вежливостью обрушившейся на меня: эти постоянные благодарности, улыбки, вопросы, на которые не надо отвечать, извинения. Из всех сил я учился вести себя как они, старался не выглядеть неотесанным чурбаном.

Но вскоре я столкнулся с проблемой – если быть все время вежливым, то как тогда постоять за себя? Как поставить на место зарвавшегося сотрудника или чужого начальника (своего не советую)? Во многих компаниях – особенно частных, т.е. не принадлежащих городу или штату, очень сильна конкуренция между работниками, иногда выливающаяся в прямое подсиживание, и приходится вступать в борьбу за свои интересы.

И здесь я обнаружил что имею большую проблему: как отошлю большое письмо по элетронной почте, разоблачаю-

щее чьи-то происки, так тут же мне дают знать, что мое послание – совершенно правдивое и содержащее все необходимые 'спасибо' и 'пожалуйста' – очень грубое. И я, конечно, проигрывал.

Ярким примером вежливости по-американски является следующее письмо адресованное мне:

« Дорогой Яков:

Мы обсуждали ваше отделение от вашей работы в Компании.

Желаем дальнейших успехов в вашей карьере...»

Мне потребовалось какое-то время понять, что я уже не работаю в этой компании.

Happy ending ?..

Мы все любим фильмы с хорошим концом. А также и книги, и пьесы... Но хороший конец мы одобряем не всегда, он должен быть заслуженным, правдивым, "таким как в жизни".

Ничто не разочаровывает больше, чем книга, в которой главный герой, пройдя через ряд испытаний и страданий, внезапно легко одолевает оставшихся врагов и победно заканчивает книгу в объятиях возлюбленной.

Мы понимаем, что у автора истекло время, отведенное на написание книги и издатель требует начинать уже следующую книгу. Такая книга разочаровывает.

А как насчет плохого конца? Ведь он бывает намного ча-

ще в реальной жизни чем хороший конец, да и любая история, если продлить ее достаточно далеко, закончится смертью, которая ждет всех. Нет, не хотим мы этого, не любим, плохой конец разочаровывает.

Получается, что мы ждем от автора невозможного – главный герой впутывается в передраги, что и вызывает наш интерес, он должен победить так, чтобы победа была правдоподобной, не легкой, и чем безнадежнее положение главного героя, тем больше интерес читателя, а как автору выйти на хороший конец – это забота автора. И когда автор находит правдоподобный выход из плохой для главного героя ситуации и герой побеждает, мы удовлетворенно откладываем книгу и говорим: "Хорошая книга, все как в жизни".

В античной драматургии использовался прием, называемый "deus ex mashina" – "бог из машины", когда неожиданное появление справедливого властителя решало все проблемы.

В советской литературе было много произведений, в которых новый директор (парторг, инженер) приходил на отстающий завод (колхоз, совхоз, бригаду, участок), сталкивался с сопротивлением своим новшествам, но партийное собрание решало все проблемы и правда побеждала.

Голливуд является мастером счастливых концов, и наблюдая закрученную интригу мы ничуть не сомневаемся, что все кончится хорошо, мы только пытаемся угадать – как авторы выкрутятся, создав правдоподобный счастливый конец.

Борьба классов

Программисты тоже люди, они хотят, чтобы их любили, держали подольше на работе, и денег платили побольше.

Программисты люди умные, они знают как этого добиться. Идея довольно проста: написать код, который, кроме автора, никто понимать не будет. Это не так-то просто – у каждого программиста есть начальник, который, заподозрив своего работника в нечистых помыслах, немедленно выставит его на улицу.

Программистам приходится действовать втихаря, используя тактику, которую я назвал: "классовая борьба".

Современные языки программирования позволяют использовать так называемые "классы". Это куски кода, воплощающие какие-то определенные функции. От них могут быть унаследованы классы-потомки, которые могут сохранять все функции класса-родителя, плюс можно добавить новые функции. Идея сама по себе благая – какие-то процессы, нужные в разных местах программы, легко использовать в унаследованном классе. Но разработка новых классов дело трудоемкое, не всегда оправданное.

Как-то, будучи консультантом, я проходил интервью в одном из оффисов фирмы "SONY". Со мной беседовала приятная женщина – руководитель группы, там же была программистка из ее группы. Руководительница поведала мне, что на данном этапе ее группа разрабатывает библиотеку классов, чтобы использовать в будущем.

– Но программирование классов требует много усилий и времени, – сказала она со вздохом.

Я тут-же понял ситуацию. Программистка раскрутила доверчивую начальницу на разработку классов и лепит код, который кроме нее никто не прочтет. Таким образом она обеспечила себе стабильное трудоустройство и постоянную головную боль своей начальнице.

Надо ли говорить, что больше я там не появился.

Другой раз я столкнулся с "классовой борьбой", работая консультантом в небольшой компании, разрабатывающей систему для страховой индустрии. Начальник группы разработал классы, на которых базировалась вся система. Казалось бы, что это здорово, теперь можно пожинать плоды, используя готовые классы. Но оказалось, что научиться использовать классы все равно, что выучить новый язык, программист с многолетним опытом должен был учиться заново. К тому же начальник не давал никому трогать его классы, и после попытки улучшить один класс я оказался на улице. Я уверен, что он до сих пор работает там.

Работая в известной компании GoldmanSachs, я столкнулся с другой разновидностью программистской изобретательности. Там группа консультантов из Индии придумала поместить язык программирования в базу данных.

Представьте себе, что команды языка программирования это разноцветные яйца, чтобы выполнить команду надо выбрать яйцо определенного цвета. Теперь допустим ка-

кой-то умный индеец помещает яйца в лоток и делает механизм, извлекающий яйца по номеру строки и ряда. Теперь программисту, чтобы написать программу, надо помнить номер строки и ряда для каждой команды, а письменная запись команд будет смотреться как новый язык.

Я не знаю, как они уболтали свое начальство пойти на это, но я знаю что в течении многих лет эти высоко оплачиваемые консультанты писали программы на этом "языке", а потом, когда кто-то спохватился, много лет переписывали систему на нормальный язык. Чего только люди не придумают, чтобы жить хорошо!

Об Авторе.

Яков Манн жил в Черновцах до 1989 г, работал инженером по компьютерам.

В 1989 г эмигрировал в Америку.

С 1990 года работал программистом, с 1996 – консультант, среди его клиентов известные банки и страховые компании Нью-Йорка.

Последние 15 лет успешно занимается удожественной фотографией и литературой.

Отзывы на книгу или послать письмо автору по адресу:

flashinet@gmail.com

Купить книгу на Амазоне:

<http://amzn.com/1533419825>